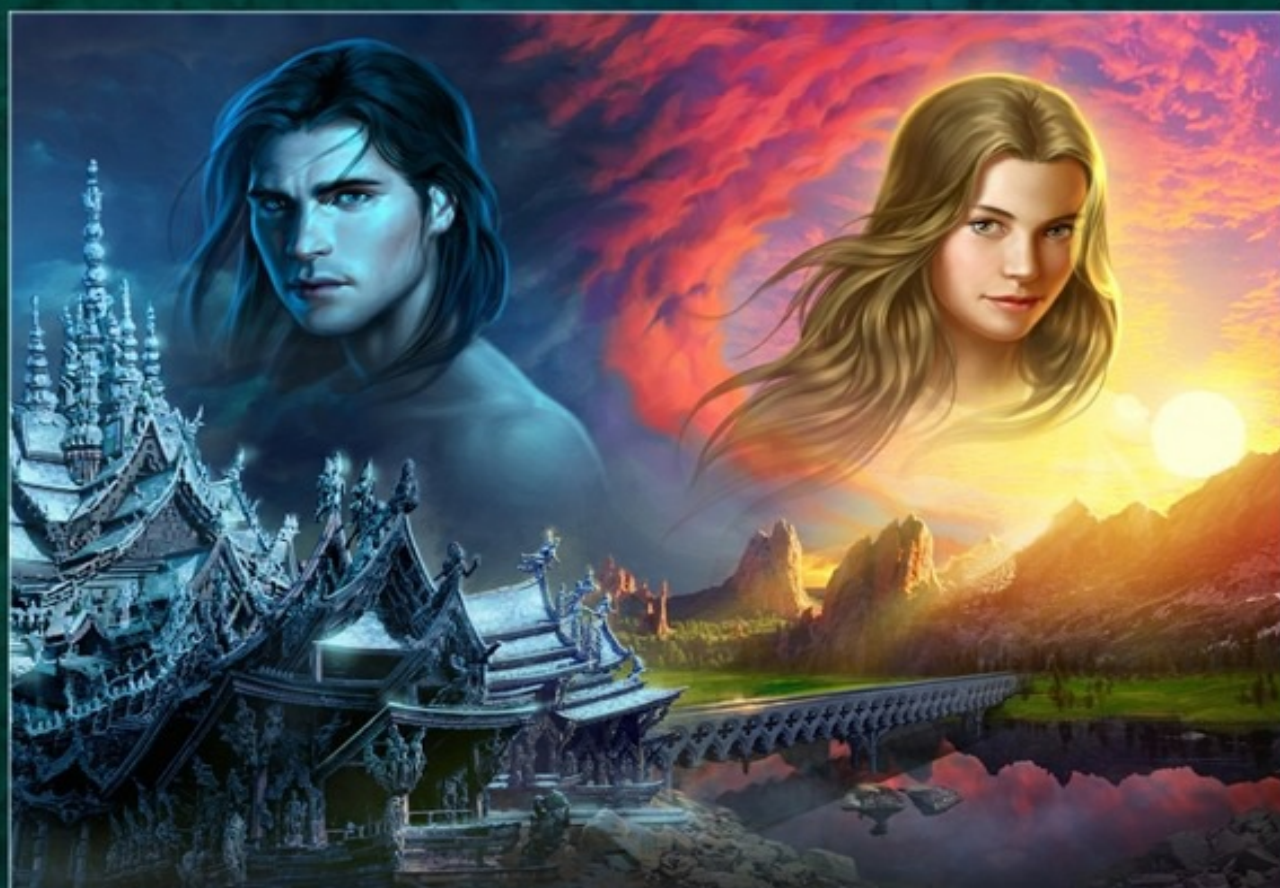

Марьяна Сурикова

Насильно мил
ли будешь

Annotation

Что, если ты пожелала мужчину, недостижимого, словно далёкая звезда? Как решить извечный вопрос: бороться ли за своё счастье или отпустить любимого человека? Всем давно известна истина: насильно мил не будешь. Так зачем же следовать за тем, кто и лица твоего не вспомнит при встрече? Вот только у молодости свои законы, свои мечты и надежды, и пускай все вокруг смеются, ведь ты докажешь им, что имя рода и сильные магические способности вовсе не столь важны, как они думают.

Насильно мил ли будешь

Марьяна Сурикова

*За гранью тумана,
В чертогах высоких,
Создал Королевство Небесного света,
Наказ дал потомкам
Любить и лелеять,
Чтоб крепла держава,
Хранимая нами.*

Хроники короля-создателя.

© Марьяна Сурикова, 2016

© Степан Гилёв, дизайн обложки, 2016

Редактор-корректор Татьяна Пичурина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Новый куратор

В среде учащихся ходили упорные слухи о том, что в королевстве грядут перемены. Нас всех это коснулось, когда старый ректор вдруг подал в отставку, а после позорно бежал. Слава о его методах принятия адептов в магический университет докатилась и до королевского двора. И случилось это не без помощи одного из выпускников, получившего свой диплом за отдельный толстый мешочек с золотом. Кажется, горе-чародей кого-то там едва не угробил, ограничиваясь исключительно собственными магическими способностями. На место бывшего ректора прислали одного из сильнейших магов королевства, чтобы навёл порядок. Этот исключительный во всех отношениях мужчина принялся активно прореживать ряды студентов. Он отлавливал тех, кто был принят на основе взятки, и безжалостно гнал горе-адептов из нашего славного учебного заведения. Творящиеся вокруг хаос и суматоха затронули и меня лично.

Тётушка Пенелопа, да хранят её святые небеса, поспособствовала моему принятию в сей храм науки, подарив старому ректору семейную реликвию – мамино кольцо с самоцветными камнями. Вообще-то, ей строжайше воспрещалось пользоваться состоянием нашей семьи в собственных целях, но в этом случае она действовала якобы во имя моего блага: чтобы дитяtko училось в достойном магически одарённой девушки заведении и заодно не путалось под ногами строящей грандиозные матримониальные планы благодетельницы. Сослали меня, в общем, с глаз долой, и не особенно моим мнением на этот счёт интересовались. Вот так оказавшись в семнадцать лет за порогом родного дома, в стенах магического университета, я дрожала от страха за дальнейшую судьбу. Проучившись здесь год и привыкнув к местным порядкам, менять что-то, а тем более возвращаться обратно не хотела. Единственная надежда опиралась на методы отчисления из университета: всех, кто плохо учился, подвергали магическому допросу, на котором невозможно было соврать. Лично я училась неплохо, скорее средненько, с уклоном в сторону «хорошо». Теперь приходилось молиться, чтобы допрос меня миновал. Однако пока я судорожно придумывала, как справиться с проблемой, святые небеса решили распорядиться моей судьбой по-своему.

Начало этой истории было положено накануне бала в честь окончания учебного года. В тот день я натолкнулась в коридоре на Алату – умницу, красавицу и стервочку, грозу большей части мужского студенчества, оплота наших будущих знаний. Встретилась я с девушкой, когда та в конце дальнего коридора выводила магические знаки на стене. Немного погодя я узнала, что эта стена коридора являлась с обратной стороны и стеной ректорского кабинета. В тот угол я забрела случайно, крепко задумавшись над собственными проблемами. Алата заметила меня в момент произнесения заклинания, и неосторожное ругательство слетело с её губ. Секунду спустя магические руны, возмущённые тем, как грубо исковеркали неприкосновенные слова, замерцали ярким светом и обрушили часть стены. Алата постаралась испариться, но была поймана едва ли не за ухо сильной рукой нового ректора, выступившего из стенного провала. Увидев на месте преступления ещё и поражённую меня, красавец-мужчина махнул рукой в такой повелительной манере, что послушаться я не посмела и полезла следом за ними в дыру, выполняющую теперь функцию второго входа в кабинет. Разбор полётов не заставил себя ждать, и нас с Алатой принудили

отрабатывать причинённый ущерб вместе с несколькими другими студентами, несшими наказание за прочие провинности. Почему я попала под раздачу? Да потому, что не стоит забредать, куда не надо, в неподходящий момент! Ректор, не теряя времени на выяснение нюансов, поставил нас выполнять всю рутинную работу. Мне следовало разбирать, заносить в реестр письма и посылки и отчитываться в конце рабочего дня лично перед ректором о том, что было получено на его имя. Конечно, личная почта сюда не входила.

В один из таких дней я, как обычно, собрала листы с записями о кратком содержании более ста писем и пятидесяти семи посылок и постучала в дверь кабинета. Не дождавшись обычного «войдите», замерла в нерешительности, однако, будучи изрядно уставшей в конце этой изматывающей недели, решила, что если его нет в комнате, то я просто сложу весь отчёт на стол и уйду, ведь неизвестно, когда он появится. Заглянув внутрь, убедилась, что в помещении никого нет, и осторожно прошла к столу, чтобы сгрузить на него плоды своих трудов. В этот момент на краю стола я заметила небольшую посылку, которая почему-то раньше ускользнула от моего внимания. На ней значились адрес университета и имя ректора. Личная почта проходила по другому каналу, а значит, эту посылку я не учла по собственной невнимательности; придётся открыть, а после добавить в список. Я взяла коробку и потянула за перевязывавшую её верёвочку, когда со скрипом резко отворилась дверь шкафа и из него с криком выскочила Миранда – ученица старших курсов, весьма флегматичная, но уверенная в своей неотразимости особа. Подскочив от испуга, я подкинула коробку вверх и интуитивно попыталась её поймать, а дальше время будто замедлило ход: пропуская ректора, открылась дверь кабинета, закричала Миранда, с перевернувшейся в воздухе коробки соскочила крышка, а тонкий амулет был пойман и зажат моей рукой, и всё тело словно пронзил разряд молнии. Повернув голову на голос ректора, грозно спросившего о том, что происходит у него в кабинете, я ощутила, как остановилось на мгновение, а затем бешеными толчками забилось сердце, стоило нашим глазам встретиться. Я утонула в этих серых омуты, меня словно потянуло течением на самое дно, я вдруг осознала, что начинаю задыхаться от нехватки кислорода, как будто вокруг шеи сжимается кольцо. В глазах стало темнеть, и лишь какая-то иная часть моего сознания ловила чужие слова, не вникая в их смысл.

– Любовный амулет! – вскричал ректор.

– Нет, нет, я ни при чём! – заголосила Миранда.

– Молчать! – холодно прикрикнул мужчина. – Ты замкнула его на себе? Вот дура! Немедленно отвечай, как его деактивировать, иначе она сейчас задохнётся! Каков принцип действия?

– Л-любовь с первого взгляда, – заикаясь, заговорила Миранда, – снять п-приступ можно п-поцелуем, но после амулет начнёт действовать...

– Вон! – прорычал ректор.

И я услышала стук двери, но где-то очень далеко. Разговор не продолжался и половины минуты, только я уже почти лишилась сознания, а после почувствовала себя лежащей в объятиях одного из первых красавцев королевства и ощутила на своих губах его губы. «Какое счастье! Вот сейчас можно умереть!» Поцелуй пролил в мои лёгкие живительный поток кислорода. Я пила его, как истощённый путник пьёт чистую воду, прикинувшись к прозрачному роднику. Он закружил голову, отнимая разум, лишая здравого смысла, пронзая тело искрой невообразимого желания и окутывая сладкой негой и истомой всю меня – до кончиков пальцев. Я провалилась в безграничный чувственный восторг и ощутила, как кольцо рук сжимается, превращаясь в страстные объятия. Кажется, теперь я собиралась

потерять сознание от эмоций, захлестнувших меня с невероятной силой. Мужские губы медленно переместились на мою шею и дальше на освобождённое от просторной туники плечо. Откинувшись назад, я задела ножку декоративного столика, и с него с грохотом рухнула какая-то древняя ваза. Последовавший за сим падением звон отрезвил мужчину моих грёз, заставив его оторваться от дальнейшего изучения губами постепенно обнажаемого девичьего тела, а меня – застонать от чувства разочарования. Открыв глаза, я увидела хмурое лицо нашего восхитительного ректора, который, сжав кулаки, сосредотачивал в кончиках пальцев собственную силу, пролившуюся на меня голубым сиянием. Инстинктивно потянувшись к объекту своих желаний, я оказалась не в состоянии двинуться с места.

– Тебе стоит лежать спокойно, пока мы не натворили непоправимого. Это действует магия любовного приворота, заключённого в данный амулет. Сейчас я возьму его из твоей руки, осторожно, чтобы не коснуться кожи. Прикосновения активируют всю мощь магии и напрочь отключают здравый смысл, оставляя только чувственное желание. Заклинание не представляет для меня труда, а вот амулет, использованный этой глупой адепткой, действительно древний и оттого усиливающий, а возможно, искажающий первоначальную магическую формулу. Я хочу, чтобы ты не смотрела мне в глаза, когда начну произносить заклинание, и чтобы ты не касалась меня, когда оцепенение уйдёт, иначе это повлияет на весь процесс.

Мужчина забормотал слова магического отворота, и чары оцепенения спали, но не смотреть на него я не могла. Он опустил голову, и моё желание увидеть его серые глаза, серебристые сейчас, словно водная гладь на закате, которой касаются последние лучи уходящего за горизонт солнца, стало неодолимым. Меня тянуло зарыться пальцами в густые и мягкие волнистые волосы, по цвету напоминающие червлёное серебро. Его губы – нежные, чувственные, манящие – привлекали меня так, как никогда не привлекала самая вкусная в мире сладость. Хотелось обхватить его всего, начиная от сильных рук, сжатых в кулаки, напряжённых плеч, натянувших белую рубашку, спуститься к узким бёдрам, пройти по длинным ногам, обтянутым чёрными штанами, сквозь которые явственно проступали мышцы заядлого наездника. Хотелось впиться поцелуем в его шею, выглядывающую из выреза расстёгнутой на две пуговицы рубашки. Кажется, именно я её расстегнула – потому что на бледной коже виднелись розоватые следы от ногтей. Голос мужчины моей мечты набирал силу, заставляя сердце вздрагивать от сладостных мук. Этот тембр волновал до глубины души, извлекая на свет все потаённые желания. Я готова была умереть на месте, лишь бы коснуться его, и только маленькая и очень далёкая часть охваченного любовным безумием сознания пыталась сдерживать рвущиеся к нему руки. Не понимаю, как смогла высидеть минуту, прежде чем рванулась к нему и обняла за шею, потянувшись к его губам. С каким-то глухим рычанием ректор опрокинул меня на спину, прижав к полу одной рукой так, чтобы я не могла даже попробовать подняться. Выкрикнув последнее, завершающее заклинание, слово, он уронил голову мне на грудь и, шумно дыша, замер. Меня охватила странная пустота, в мгновение ока заменившая весь тот пожар любви, что пылал в душе ещё секунду назад. Тяжесть его головы давила на грудь, рождая в ней непонятное томление. Не тот ураган неконтролируемых страстей, вызванных амулетом, а что-то иное, неясное, смутное, зародившееся в глубине сердца и заставляющее с тоской осознавать невозможность повторного поцелуя. Разум прочно взял контроль над чувствами. Мужчина наконец поднял голову и взглянул мне в глаза с каким-то томительным чувством, словно ожидая моей новой попытки сорвать поцелуй с его губ. Я же находилась в прострации, магия эмоционально

опустошила душу, ещё недавно обуреваемую дикими страстями.

– Сможешь подняться? – хрипло спросил он.

– Не уверена. – Мой голос прозвучал ещё глуше.

Тогда мужчина встал и помог подняться мне. Соприкосновение наших рук вновь всколыхнуло чувства.

– Это остаточные явления, я тоже ощущаю их, – ответил ректор скорее моим ощущениям, чем мыслям. – Ты будешь в порядке к вечеру, а пока нужно держаться подальше друг от друга. Тебе пора идти.

Я кивнула и осталась стоять на месте.

– Тебе нужно что-то ещё?

Я вдруг поняла, что даже не знаю его имени, просто ректор – и всё.

– А как вас зовут?

Он приподнял удивлённо бровь, а после произнёс с усмешкой в уголках губ:

– Альтар дар Астелло, диор Его Всесветлейшества короля Августина VII, куратор Университета общей магии, к вашим услугам.

– Понятно, – кивнула я.

Альтар замолчал, явно ожидая моего ухода. Я вздохнула, подняла голову и взглянула на него ещё разок, а мужчина вдруг склонился – и губы мои обжёг страстный, но очень короткий поцелуй.

– Теперь пойдёшь?

Я снова кивнула, развернулась и вышла из кабинета, направившись в свою комнату.

В этот самый миг я осознала, что, несмотря на амулет или его отсутствие, обрела в своём сердце любовь к мужчине, которого добивались и более красивые и магически одарённые женщины, чем я, простая семнадцатилетняя девчонка с первого курса магического университета. Жизнь для меня изменилась, подчинив дальнейшие желания одной, ещё неосознанной, но воспарившей на крыльях доверчивой молодости мечте.

Альтар:

Я наблюдал, как закрылась за ученицей дверь, и постоял ещё немного, ожидая, что она вернётся назад и бросится мне на шею в стремлении получить ещё один поцелуй. Но дверь не отворилась, никто не зашёл, и в душе возникло чувство лёгкого разочарования. Я понимал, что эти желания навеяны остаточной силой амулета и вскоре я забуду об этой милой маленькой адептке. Как её саму-то зовут? У её кожи такой необычный запах – солнца и карамели. Эта девушка была одной из сотни неприметных сереньких учениц, которую я никогда бы не выделил из общей безликой массы, однако амулет пробудил мою страсть, а чистота и невинность юного создания привлекли меня, словно запретный плод. Нужно что-то делать с талисманами, приворотами и прочими средствами, которыми женщины пытаются заманить меня в свои сети, но сперва разберусь с инициатором сей любовной бури.

Всё же никогда не понимал этих глупостей! Магички, адептки, придворные дамы – сколько их было таких, использующих самые разнообразные методы приворота, от простых до изошрённых, чтобы заполучить мою любовь до конца веков. И ни одна из них не понимала, что для меня не составляет труда разрушить подобные чары. Все женщины глупы в стремлении к нежной, трепетной, всепоглощающей любви, вознося её на пьедестал. Не утруждают себя тем, чтобы разобраться в непростом характере объекта своей страсти,

зато видят во мне воплощение собственных грёз только потому, что я с рождения наделен красивой внешностью. Иногда я подыгрывал им: забавно было посмотреть, как они торжествуют, ощущая себя пантерой, загнавшей дичь. Вот только спустя время, наигравшись, я сам превращался в жестокого хищника, а им был урок на всю жизнь. Только эта девочка стала нечаянной жертвой. Данный случай послужит мне наукой, впредь буду внимательнее относиться к подобным вещам и пресекать их на корню.

Нехорошо получилось. Я не любил, когда в подобные дела втягивали невинных посторонних людей. Один на один проще разобраться, сделать так, чтобы охотница сама взмолилась о пощаде и забыла о дальнейшем использовании магических чар. А вот когда появлялись третьи лица, результат мог быть непредсказуемым. Чары-то я снял, но от прощального поцелуя не удержался, а поцелуй опытного мужчины и без чар может вскружить девчонке голову. Только теперь ничего не исправишь, остаётся лишь выкинуть это происшествие из головы. У меня ещё много дел, с которыми предстоит разобраться, и начинать следует уже сейчас.

Лея:

После происшествия в кабинете минула неделя. Меня так и не вызвали к ректору говорить об отчислении, а значит, не выгонят. Всех, кого надо, уже отчислили. Была ли причина в злосчастном амулете, а может, в моих средненьких успехах в учёбе, но я осталась в университете. До выпускного бала старшекурсников – не более десяти дней. Кто-то уже готовился вступить в новую жизнь, мне же до неё ещё четыре года учиться, зато потанцевать смогу: на бал приглашают все курсы. Мила, девчонка с первого курса, с которой мы сошлись характерами и общались вполне дружески, обещала отдать своё платье, говорила, что надевала его всего один раз. Впрочем, неважно, новое оно или нет, главное – хорошо выглядеть, всё равно нет денег на пошив наряда в городской лавке. Моя тётушка-благотельница раз в месяц присылала назначенное ещё по завещанию матушки содержание, однако как-то умудрилась обойти закон и урезать его в свою пользу. Денег хватало ровно на то, чтобы раз в недельку выйти в город и прикупить какую-нибудь мелочь. Этого я, естественно, не делала, а просто откладывала деньги в банковскую ячейку. Глядишь, за пять лет накоплю немного. Сейчас мне семнадцать, а вот в двадцать два года придёт пора выпускаться и идти в новую жизнь, и значит, деньги очень даже понадобятся. Да и на что их сейчас тратить? За развлечениями я не гналась, питание – в столовой, форма выдавалась вместе с обувью, так что жить можно. Правда, потратить немного на бал всё же пришлось. Мне понадобились туфли к платью, а вот без всяких там чулок, кружев, украшений, перчаток и тому подобного можно было обойтись, это ведь обычный бал выпускников, а не королевский приём. Причёску какую-нибудь сама себе сооружу. Что касается нижнего белья, то тут всё прекрасно. Была у меня одна страсть: я обожала шить нижнее белье (корсетки, панталончики, сорочки) и всё свободное время посвящала этому увлечению. А свои творения вышивала дивными узорами, рождёнными моей жаждущей чудес фантазией. Всему этому научила меня мама, говоря, что такое занятие подобает леди, несмотря на то, магиня она или нет. А я к тому же это любила. Сядешь так вечером при свете магического шара и творишь, творишь, любишься, как под рукой рождаются фантастические узоры. Я даже целый сундучок с обрезками различных тканей с собой привезла. Тётка выкинула многие мамины платья, а я вот вернула их обратно и спрятала. Уже потом раскроила материю и поместила в рабочий сундук, нитки тоже переложила из маминой

шкатулки, туда же сложила разноцветные камушки (простые, не драгоценные, те ещё тётка спорола), бантики и прочие украшения. Конечно, я никому своих творений не показывала. Парня не было, так что стаскивать в порыве страсти с моего ещё не до конца оформившегося тела блёклую университетскую форму, состоящую из просторной туники и длинной юбки, было некому. Ну а подруг особо не водилось, не считая Милы, но и ей показывать было неловко. Вообще, звали её Милолина ван Савэс, род не слишком знатный, но и не последние люди в королевстве. Красивая очень девушка: волосы золотистые, глаза зелёные и весёлые, и добрая – зла никому не желала. Магические способности так себе, да и не нужны они ей особо, диплом ей для вида, всё равно замуж пойдёт сразу после окончания учёбы.

Я иногда сравнивала нас, а почему нет – я ведь тоже девушка, красоты хочу, но не много у меня красоты этой: тёмно-каштановые волосы до лопаток, глаза зелено-карие, рост средний, фигура обычная – толком и не оформилась ещё (грудь, правда, «обещала» подрасти), да и постройнеть не мешало бы. В целом, неплохо, но и ничего примечательного. Форма меня тоже не слишком красила. Кожа не такая матово-персиковая, как у Милы, или нежная, словно бархат цвета слоновой кости, как у красавицы Алаты, – обычная кожа, на лице не очень гладкая, будто я недавно вышла из подросткового возраста. Кстати, причёску мне тоже обещала сделать Мила, моих фантазий только на белье и хватало, а в остальном как-то не задалось. В общем, сравнение с красавицами было не в мою пользу, я больше походила на простую, не блистающую яркой внешностью селянку, одну из многих, и жизнь была такой же – простой и заурядной. До недавнего времени в ней происходило мало значимых событий. Об одном из них мне до сих пор больно вспоминать, а второе лучше вообще выкинуть из головы. Тот дикий поцелуй ведь был случайностью, и я старалась о нём не думать, особенно когда поняла, что в душе родилась тяга к великолепному Альгару. Ну кто он – и кто я? О чём тут мечтать? Только душу беречь. Ну ничего, устрой себе праздник: принарядюсь, стану красивой, пойду на бал и поцелуюсь там ещё с кем-нибудь, тогда и выброшу диора из головы.

Уроки закончились, до бала оставалось несколько часов. Мила роскошной феей всплыла в комнатку, окинув меня царственным взглядом, и скривилась.

– Лея, это что такое? – указала она тонким пальчиком на меня, стоявшую растрёпанной и ненакрашенной, в платье, туфлях, но с непонятной гривой на голове. – Где украшения, перчатки, кружева?

– Да ладно, Мила, обойдусь. И так красиво.

Платье было лёгкое, воздушное, нежно-голубого цвета, со скромной вышивкой по подолу. Оно мне шло: подчёркивало фигуру, обрисовывало грудь. Простые голубые туфельки-лодочки прекрасно с ним сочетались.

– Ох, садись, горемычная, будем из тебя приличную девушку делать.

Не тратя больше слов, Мила взялась сооружать на моей голове шедевр. Что-то подкрутила, где-то подколола, взбила и... я онемела, взглянув в зеркало. Нет, ну это, конечно, уникальное произведение, мечта парикмахера-абстракциониста, но только не под моё платье и даже не к моему лицу. Мила любовалась своим шедевром с торжествующей улыбкой.

– Ну как? Хороша?

– Слов нет! – ответила я, чувствуя себя невероятно несчастной.

– А то! Кто бы сомневался. Ну ладно, мне ещё последние штрихи навести нужно и встретиться с Лером, он проводит меня на бал.

– Увидимся. – Я помахала рукой вслед подруге, с тоской уставившись в зеркало. Может, оно и к лучшему, что меня на бал никто не сопровождает. Сейчас бы места себе от волнения не находила. Это же не причёска, а дом на голове! Надо что-то делать, лишь бы хуже не стало. Я принялась вытаскивать шпильки и оттягивать локоны вниз. Волосы встали дыбом, причёска распалась, завитки торчали в разные стороны. В полнейшем отчаянии я схватила старый мамин гребень и заколола всю эту шевелюру как смогла. Посмотрела в зеркало – и даже улыбнулась: а неплохо получилось! Локоны, подколотые гребнем, придали причёске воздушность, а не сходство с вороньим гнездом, а более мелкие кудряшки, пожелавшие остаться на свободе, красиво обрамляли лицо. Хорошо ещё, что Мила меня накрасить не успела, только косметику принесла. Торопилась на встречу с Лером – неплохим, кстати, и весьма симпатичным парнем. Из него обещал вырасти настоящий сильный маг. Я немного прошлась волшебной пудрой по щекам, лбу и подбородку и коснулась губ кисточкой, смоченной розовым блеском. Ну всё, куда уж краше, пора отправляться.

Пройдя по бесчисленным коридорам вмиг опустевшего университета, я вошла в бальную залу – и у меня захватило дух. Всё сверкало, искрилось, звенело, а в глазах рябило от обилия разноцветных восхитительных нарядов, украшений, красивых причёсок. Причём не только дамы сегодня постарались – их кавалеры выглядели ничуть не хуже. Цвета костюмов варьировались от серебристых и оттенков морской волны до невообразимо ярких. Глаза обежали присутствующих. Сколько же здесь людей! А какая огромная зала! Другая бы, пожалуй, не вместила такое количество адептов. Музыка лилась весёлыми перезвонами колокольчиков, трелями соловья и нежным дуновением ветра в листве. Я вновь оглядела присутствующих, неосознанно отыскивая в толпе единственного человека. Конечно же, он был тут, привлекая внимание многих девушек своей статной внешностью, удачно оттенённой чёрным с тонкой серебристой вышивкой костюмом. Наряд превосходно гармонировал с тёмными волнистыми волосами, их пушистые кончики слегка касались широких плеч, обтянутых кристально белой рубашкой, на ногах – высокие чёрные сапоги. Стоял Альтар далеко, на возвышении, следя за порядком. Это не входило в круг его обязанностей, ведь были ответственные за дисциплину преподаватели, но какой же выпускной бал без ректора университета? Сердце сделало сальто в груди и бешено заколотилось. Я огромным усилием воли отвела от роскошного мужчины свой алчущий взор. Вот глупышка! Нужно срочно найти кавалера на вечер, отвлечься, я же обещала себе, что будет поцелуй. Задавшись этой целью, я отправилась высматривать свободных парней – и внимание моё привлёк один парнишка, в меру худощавый и скромный на вид, стоявший в одиночестве возле чаш с напитками. Он наливал себе в бокал сладкий пунш. Странный выбор – пунш обычно пьют девушки. Раз стоит и рассматривает присутствующих, значит, подыскивает себе партнёршу на вечер, а мне только это и нужно.

Я по чётко выверенной траектории подошла к чаше и остановилась неподалёку от юноши. Стараясь двигаться изящно и благородно, налила себе зеленовато-золотистый напиток. Я ожидала, что молодой человек заговорит первым, но парень молчал, всё так же обводя глазами зал и прихлёбывая сладкий пунш. Ах, была не была! Решимость избавиться от мыслей о ректоре толкнула меня на безрассудный поступок. Проходя мимо юноши и сделав вид, что споткнулась, я плеснула немного жидкости на его чёрные лакированные туфли с зелёными пряжками. Парень выругался вполголоса, а я, извинившись с десяток раз, с виноватым видом достала из кармашка платок и со словами «простите, я сейчас всё вытру»

постаралась эффектно прогнуться в спине, медленно наклоняясь к зелёным пряжкам. Слава небесам, молодой человек всё же поймал меня за локоть и, ответив, что ничего страшного не произошло и он сейчас всё поправит с помощью магии, остановил мой наклон.

– Первый курс? – слегка прищурившись, спросил он меня.

– Да. А откуда вы узнали?

– Можно на «ты». Заклинание очищения на втором изучают. Кстати, Ирьян.

– Лея.

– И что, такая красавица сама наливает себе выпить?

– Нууу...

– Всё понятно, можешь не объяснять. Предлагаю себя в кавалеры на сегодняшний вечер.

М-да, какой быстрый. Кажется, что с выбором партнёра для танцев я не ошиблась.

Крайне напористый молодой человек.

– А вы... ты не хочешь потанцевать?

– Ничего не имею против, особенно если дама сама приглашает.

Ирьян по-свойски обхватил меня за талию и утянул в ряды танцующих пар. Я не блистала изяществом, но с известными па справлялась вполне сносно. После танцев парень снова налил нам выпить, а затем повёл на балкон, попутно рассказывая забавные случаи из своей студенческой жизни.

Так незаметно пролетело время. Я даже почти не думала об Альтаре и практически не бросала взглядов в сторону ректорского возвышения, только заметила в последний раз, что всеми любимый ректор куда-то исчез. Ирьян частенько прикладывался к напиткам, не забывая подливать и мне. Таким образом, в разгар вечера мы с ним, как и большинство адептов, были навеселе и самим себе казались ужасно остроумными.

– А вообще, я мастер по части поцелуев – девчонки не жалуются, – говорил Ирьян, затащив меня в коридор неподалёку от зала. Как я там с ним оказалась, самой непонятно. Голова немного кружилась от выпитого, тело переполняла лёгкость, а мозги были затуманены эйфорией.

– Ты, судя по всему, не большой знаток в этом деле. Тебя вообще целовал кто-нибудь? – продолжал Ирьян, притиснув меня к холодной стене коридора. – Хочешь, я тебя научу?

И, не давая мне рта раскрыть или как-то выразить собственное отношение к происходящему, он наклонился и облобызал мои дрогнувшие губы. Сказать, что я особо сопротивлялась, будет неправильно. Во-первых, я сама ждала от вечера поцелуев, а во-вторых, была слегка навеселе и желала чего-нибудь захватывающего и незабываемого. По всей видимости, Ирьяну в голову вино ударило намного сильнее, потому как во время поцелуя его руки принялись шарить по моему телу, добрались до груди и сжали её ладонями. Я была разочарована: ничего общего с дикой страстью, которую пробудил во мне Альтар. Он тогда почти не касался меня, я сама готова была броситься на диора. Зато сейчас стою здесь, возле холодной стены, и слышу доносящуюся из зала музыку, меня всю целует симпатичный парень – и мне всё равно. Ни ответного душевного порыва, ни сердечного трепета, ни малейшего волнения. И зачем я только всё это затеяла? Пожалуй, пора прекращать.

Я попыталась оттолкнуть Ирьяна от себя, но парень, войдя во вкус, отпускать меня не собирался. Я усилила напор, но кавалер лишь прошептал: «Довольно артачиться, малышка, я сделаю всё по высшему разряду», – и тихо произнёс заклинание онемения. Я почувствовала, как руки и ноги перестали слушаться, и запоздало осознала, что вот сейчас

прямо здесь, в коридоре, этот первый встречный парень собирается доказать мне свою мужественность. Хмель сразу вылетел из головы. Вот это я заварила кашу! Сама его спровоцировала, дала надежду, продемонстрировала собственным поведением, что отношусь к разряду легкодоступных женщин, а теперь стою и не могу пошевелиться, а в душе разгорается бешенство вперемешку со страхом. Что же делать? Я постаралась призвать свою силу, и она слабо откликнулась. Я принялась копить её, подгоняя маленькие ручейки в кончики пальцев. Ирьян начал расшнуровывать тесёмки платья. В этот момент моя злость достигла предела, и её накал спровоцировал выброс силы. Голубые лучики сорвались с кончиков пальцев и отбросили Ирьяна в сторону, тогда же уничтожилось и его заклинание. Ирьян, недоуменно ворочая головой, удивлённо взглянул на меня:

– Ты что творишь?

– Я не давала тебе разрешения раздевать меня. Что ты себе позволяешь?

– Ну давай, построй недотрогу. Хочешь раззадорить меня, малышка? Но я и так весь горю. Иди сюда.

Ирьян снова подскочил ко мне и сжал в объятиях, как в тисках. В этот момент, как гром среди ясного неба, прозвучал такой знакомый насмешливый голос:

– Развлекаетесь, господа адепты?

Мы с Ирьяном застыли. Меня затопило удушливой волной стыда, а Ирьяна, кажется, пробрала нервная дрожь. Оба не могли вымолвить ни слова в ответ.

– А известно ли вам, уважаемые адепты, что коридоры университета не предназначены для подобного рода встреч? Нарушение устава влечёт за собой наказание.

Ирьяна тихонько бил озноб. Я вспомнила, что он не просто нарушил устав, а применил чары, стремясь использовать ситуацию в собственных целях. Если я сейчас скажу об этом, то парню грозит нечто большее, чем отбывание повинности за нарушение установленных правил. Только я отчего-то молчала. Наверное, от ощущения собственной вины, а ещё от стыда.

– Адепт, убирайтесь с глаз моих, я определю вам наказание завтра, и чтобы до того момента я вас не видел!

Ирьяна после этих слов как ветром сдуло, а я так и осталась стоять возле стены будто приклеенная.

– Адептка ди Орсано! Неожиданная встреча. Признаться, весьма удивлён. Я не относил вас к категории девушек, которых зажимают по углам коридоров парни сомнительной репутации.

Я молчала. Альтар подошёл ближе, и я ощутила его злость. Это удивило меня. Почему он злится?

– Вам невдомёк, милая, что я считал вас невинной особой, не так ли? Скажите, зачем я из последних сил сдерживался в кабинете, если можно было более приятно провести время? Я думал, что повстречал чистую девушку, почти дитя, и стремился не нарушить, не замарать эту чистоту. А что же вы? Откровенно развлекаетесь с пьяным адептом посреди коридора? Даже не потрудились уйти в более укромное место. Что молчите?

А что мне было сказать? В чем-то он прав. Так всё и выглядело со стороны. Не объяснишь ведь, что я не планировала заходить так далеко. Придётся сознаться в причинах, а этого я не хотела. Я желала лишь избавиться от тоски в сердце, но, не имея опыта, попала в некрасивую ситуацию и теперь не смею слова сказать от стыда.

Альтар резко приблизился и, схватив за локоть, заставил меня поднять голову. Огонь

злости, горевший в его засеребрившихся глазах, поразил меня.

– Что же вы, Лея, размениваетесь по мелочам? Если уж делать выбор, так почему бы не в пользу более опытного мужчины?

После этих слов мы вдруг очутились в просторной комнате, освещённой огнём огромного камина, возле которого были расстелены мягкие шкуры. Посредине стояла большая кровать. Я ошарашенно озиралась вокруг, пока не поняла, что Альтар открыл портал и перенёс нас в свою комнату. Сердце ухнуло куда-то вниз. Я перевела взгляд на мужчину. Он, небрежно сняв чёрный с серебром камзол, расстёгивал рубашку.

– Знаете, я, пожалуй, пойду к себе в комнату. Мне действительно пора.

– Идём на попятную, да, Лея? – прокомментировал мою попытку к бегству ректор, откидывая белую рубашку.

Отблески огня из камина причудливо играли на чеканной мускулатуре его груди. Волосы разбежались непослушными волнами и казались совершенно чёрными, оттеняя блеск его бездонных глаз, устремлённых сейчас на меня. Вся эта обстановка рождала необъяснимую тревогу в душе и желание убежать подальше, но ноги, как назло, будто приросли к полу. Я смотрела на двинувшегося в мою сторону Альтара словно кролик на удава. Он приблизился ко мне и ласково провёл ладонью по щеке, зарылся пальцами в волосы и осторожно вытащил из причёски гребень. Будто повинуюсь его воле, пряди, всегда непокорные, податливо упали на грудь. Приподняв второй ладонью мой подбородок, мужчина наклонился и нежно поцеловал. Пальцы продолжали ласково перебирать волосы, слегка натягивая вьющиеся прядки. Его сладкие губы прокладывали дорожку из поцелуев к виску, рождая дрожь во всём теле. Слегка прикусив тонкую кожу, Альтар вновь склонился к моим губам, погружая меня в страстный дурман. С этого момента я отключилась от реальности и помню лишь ощущения, поскольку разум затуманился. Тело чутко реагировало на смелые прикосновения, отзываясь сладкой негой. Словно околдованная его ласками, я будто в дымке ощутила, как ослабла шнуровка платья; сильные руки, слегка сжав плечи, потянули ткань вниз, открывая для жадных губ шелковистую кожу. Будоражащие поцелуи, ласки и снова поцелуи. Я сама не заметила, как оказалась на кровати. Диор, приподнявшись на локте, обводил пальцем вышивку моего корсета. Его я сшила и разукрасила сама, вложив изрядную долю фантазии и подобрав смелый гранатовый оттенок. Кажется, мой опытный мужчина был несколько удивлён. Он задумчиво разглядывал рисунок. Я же, получив передышку, стала понемногу приходить в себя. Откровенно говоря, уходить не хотелось, но природная стыдливость побуждала вскочить с кровати и убежать. Попытавшись приподняться и повернуться на бок, я почувствовала руки Альтара, скользнувшие мне за спину и молниеносным движением расшнуровавшие корсет. В следующий миг, поражённая такой скоростью, я осталась абсолютно без одежды. Вот тогда паника накрыла меня с головой! Я рванулась в сторону и, скатившись с кровати, бросилась к двери, совершенно не заботясь о том, в каком виде окажусь в коридоре. Добраться до спасительной цели мне не дали. Альтар остановил попытку к бегству, кинувшись следом и обхватив ладонями за талию, однако запнулся о край шкуры, лежавшей у камина, и повалился на неё, прижав меня к тёплому меху своим телом. В тот самый момент я ощутила, что диор избавился и от своей одежды тоже. Это была последняя осознанная мысль, дальше раздумывать мне просто не дали.

Альтар, обхватив мои ладони, завёл руки над головой и стал покрывать страстными, дикими поцелуями всё тело, заставляя его гореть как в огне. Кажется, он не пропустил

ни одного, даже самого крохотного участка. Он ласкал губами и языком, покусывал, легонько прихватывал зубами кожу в очень чувствительных местах. Поцеловал каждый пальчик, ласково обвёл языком ушную раковину. А что творили его губы с моими – просто невозможно описать. Он заставлял меня стонать, изгибаться, впиваться ногтями в его спину, и это ещё не приближаясь к главному моменту. В какой-то миг я ощутила тяжесть его тела поверх своего, широкие ладони развели ноги в стороны, а я доверчиво подалась навстречу. Тогда я желала лишь прекращения этой сладкой пытки, стремилась куда-то, хотела получить что-то, о чём сама толком не знала. Затем вдруг почувствовала его осторожное движение внутри себя. Наткнувшись на препятствие, Альтар замер на мгновение, а после, прошептав какое-то заклинание, рванулся вперёд. Я зажмурилась и... не ощутила боли. Широко раскрыв глаза от удивления, я встретила внимательный, изучающий взгляд этого потрясающего мужчины, обнимавшего меня своими надёжными руками. Даже в такой ситуации я чувствовала его силу, ощущала собственную хрупкость и слабость и была готова покоряться и отдавать, а он решительно брал то, чего желал в данный момент.

– Я произнёс заклинание против боли. Оно блокирует любые ощущения. Не хочу, чтобы этот волшебный миг был испорчен для тебя. Заклинание сниму очень скоро, иначе ты не сможешь ощутить и всего остального.

Несколько осторожных движений – и чувствительность вернулась ко мне, принеся с собой отголосок боли, которая вскоре сменилась более приятными ощущениями. Они всё нарастали и нарастали, затягивая бешеным смерчем в ураган не испытанного ранее наслаждения. Дикий полет – и я тону в восхитительных эмоциях, названия которым не знаю. Не понимаю, куда стремлюсь, но выгибаюсь навстречу, хватаясь за свою погибель обеими руками, прижимаясь к его телу и вновь откидываясь назад, чтобы вобрать в себя непередаваемую гамму впечатлений и до конца познать его. В единый миг крылья раскрываются за спиной и возносятся в звёздную высь, где нет ничего, кроме чистейшего блаженства и абсолютного счастья. Там, внизу, я слышу хриплый шёпот, произносящий моё имя, а затем – стон, и сжавшиеся в стальных объятиях руки возвращают меня обратно на землю, на постель из шкур возле горящего камина, отблески которого играют на влажных телах мужчины и сжимаемой в его объятиях хрупкой женщины. Я вижу это словно со стороны, как будто умерла на миг – и возродилась в новом теле.

В этот момент обнимавший меня диор поднял голову и, посмотрев в мои широко раскрытые от восторга глаза, прошептал:

– Моя нежная Лея, ты так волшебна пахнешь.

А ведь я теперь... я больше не невинная девушка. Только вот сожаления по этому поводу не испытываю. Кажется, взамен я получила что-то намного более волшебное. Мне хотелось заговорить, произнести его имя, но от стонов в горле совсем пересохло. Одним плавным движением поднявшись на колено, Альтар легко подхватил меня на руки, словно я ничего не весила, и отнёс на кровать. Там, откинув покрывало, уложил на простыни и снова прошептал заклинание. Я увидела, как исчезают с моих и его бёдер свидетельства канувшей в небытие невинности.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хочу пить, – с трудом произнесла я.

Альтар налил в бокал вина из кувшина, стоявшего рядом на столике, и поднёс к моим губам. Я сделала несколько глотков, но пара капель скатилась по подбородку прямо на грудь. Мужчина тут же наклонился и подхватил капли губами, чем вызвал дрожь во всём теле.

Тогда, не отрываясь от груди, он выхватил из моей вмиг ослабевшей руки бокал, отшвырнул его на пол и принялся с упоением доводить меня до повторной потери рассудка.

Не знаю, сколько раз за эту ночь я парила в облаках счастья, – прежде подобных волшебных ощущений мне не приходилось испытывать никогда. Диор не отпускал меня, снова и снова подчиняя своей воле. В конце концов я стала засыпать, абсолютно обессиленная. Он мягко выводил губами узоры на моей щеке и шее, сладко убаюкивая, а руками нежно прижимал к своей широкой груди, и наконец я провалилась в самый счастливый в жизни сон.

Глава 2.

Возвращение домой

Утро наступило очень рано, когда солнечный луч, запрыгнув на подоконник, пробежался по комнате, переместился на кровать и пощекотал мои веки. Сладко потянувшись, я приоткрыла глаза. Воспоминания о вчерашних событиях нахлынули волной, заставив сердце учащенно забиться. Я подскочила в кровати и повернула голову в ту сторону, где вчера спал Альтар. Постель была пуста. Я недоуменно обвела взглядом спальню, словно он мог оказаться на шкуре у камина или в кресле возле кровати. Но в комнате никого не было.

Пока я осматривалась, заметила на противоположной стене открытый проход. Раньше я его не видела, хотя, может, не до того мне было. Поднявшись с кровати, решила одеться. С трудом натянула платье на непослушное тело, которое молило о полноценном отдыхе. Кое-как затянула завязки на спине, надела туфли и подошла к двери. Она была заперта. Тогда я направилась к проходу, за которым оказался уходящий вдаль коридор. Оглянувшись, осмотрелась ещё раз и решила подождать Альтара, возможно он просто вышел. Проведя в ожидании какое-то время, заметила, что одинокий солнечный луч превратился в россыпь таких же лучей, заливавших теперь спальню. В комнате никто не появился.

Я решилась: зашла в открытый проход, освещённый небольшими магическими шариками, висящими под потолком, и оказавшийся довольно коротким. Когда упёрлась в стену в конце, она вдруг сдвинулась в сторону, открывая выход в коридор жилого этажа, на котором находилась и моя комната. Я прошла вперёд, услышала шорох позади и обернулась: стена вновь казалась цельной, словно не скрывала за собой тёмного прохода.

Вот тогда осознание горестной истины затопило меня волной. Так, значит? Утро наступило – пора и честь знать? А я сидела там, ждала чего-то. Мне же недвусмысленно дали понять, что могу идти домой, когда проснусь, даже потайной коридор открыли. Наверное, чтобы не натолкнуться на кого ненароком. Позаботились о девичьей чести. Я пыталась унять боль, стремительно заполнявшую сердце и вытеснившую из него то счастье, что, казалось, властвовало там безраздельно. На глаза навернулись предательские слезы. Смахнув их рукой, я поспешила в свою комнату, по дороге так никого и не встретив. Удивляться было нечему: многие провели весьма бурную ночь.

Закрывшись в комнате на замок, я легла на кровать, уговаривая себя поспать, но сон бежал прочь, а сердце сжималось в груди. Слезы всё же потекли из глаз, и тоска наполнила душу. Слезы – это хорошо, они омывают раны, облегчают боль. Я знала, что в такие моменты бесполезно пытаться взять себя в руки, нужно просто смириться и ждать, ждать, когда чувство пустоты и одиночества уйдёт. Вот так я и рыдала, пока слёзы не иссякли. Они не избавили от душевной тоски, но сделали её более терпимой. Боль притупилась, превратившись из резкой в ноющую, давящую своей тяжестью на сердце.

Какая же я глупая! Дурная девчонка, совсем жизни не знаю! Вот она плата за мгновения счастья. Знала бы, что за одну ночь блаженства придётся заплатить такими мучениями, ни за что бы... да кого я обманываю? Я ведь не смогла бы ему отказать, даже зная о расплате. Что теперь делать? Экзамены закончились, бал прошёл, все разъезжаются на каникулы, да и мне пора. Хотя дома никто и не ждёт, но он всё-таки есть, этот дом, а больше ехать некуда. Занятия возобновятся лишь спустя два месяца. Пора собирать вещи и договориться

о повозке, которая доставит меня домой. Деньги на дорогу придётся взять из своих сбережений. Кое-что я хранила в комнате, вот их и возьму. Если нанять старенькую, медленную и весьма неудобную повозку, то можно договориться на вполне сносную сумму. На ночь вовсе не обязательно останавливаться в гостинице, буду спать в дороге, а чем там ещё заниматься? Благо дом не слишком далеко – дня за два доеду.

Я поднялась с кровати, подошла к окну и увидела, что солнце клонится к закату. Это сколько же я так пролежала?! А ведь даже не ела сегодня весь день, но голода не испытывала. Всё-таки я буду последней душой, если начну предаваться жалости к себе, голодать и проливать слёзы. Не дожждётся он этого от меня! Я решительно переоделась, умылась и отправилась в столовую. Быстро покончив с ужином, заглянула к привратнику и договорилась о повозке на завтрашний вечер. Вернувшись в комнату, принялась собирать вещи. Так и не прибранные волосы упрямо мешали сборам, лезли в глаза. Я оглянулась в поисках гребня и вспомнила: святые небеса, я оставила гребень у него! Что теперь делать? Я туда не вернусь, и пропади этот гребень пропадом! Но... как же так? Это ведь самая ценная вещь для меня – память о маме. Она сама подарила мне гребень на десятилетие. Я ещё так любовалась им тогда, считая самой красивой вещью на свете. Мама потратила приличную сумму, заказав эту безделушку у гномов, на ней были искусно выгравированы мои инициалы. Как теперь быть? И речи идти не могло о том, чтобы вернуться в ту комнату или пойти к ректору. Нет, нет и ещё раз нет!

Я замерла перед дверью ректорского кабинета, подняла руку, чтобы постучать, и в смятении опустила её. Университет поражал воцарившейся в коридорах тишиной, большинство учащихся уже отбыли домой на каникулы. Я вдохнула полной грудью и, зажмурившись, постучала в злосчастную дверь.

– Войдите.

Ох, а вот это уже намного сложнее, чем просто постучать. Сердце билось как пойманная птица, ладони вспотели, дыхание перехватило. Не знаю, как я нашла силы толкнуть дверь и войти в кабинет. Я так и замерла у порога, встретившись с пристальным серебристым взглядом главного университетского мага, и только через мгновение заметила, что мы в кабинете не одни. Что Алата тут делает? Да ещё в таком виде...

Алата и правда смотрелась довольно вызывающе: обтягивающее платье с откровенным декольте, забранные кверху волосы, открывающие вид на тонкую шейку, смелый макияж. Выглядела она, бесспорно, сногшибательно, но как-то не слишком уместно. Я даже отвлеклась на время от собственных проблем.

– Вы что-то хотели? – прозвучал холодный вопрос.

– Я? Да, я... хотела, мне нужно... я там...

– Алата, выйдите на минуту.

Красавица хмыкнула и, гордо вскинув голову, выплыла за дверь.

– Я слушаю, Лея.

Не поднимая головы, я еле выдавила из себя:

– Я там у вас гребень забыла.

– Подарить вам новый гребень? – прозвучал насмешливый вопрос.

Возмущение даже придало мне сил.

– Мне нужен мой, он мне дорог как память о маме. Я его у вас потеряла и... – Горло сдавило предательским спазмом, я ощутила, как на глаза наворачиваются слёзы. Думала, всё

выплакала за эти сутки. Как же скверно на душе!

– Значит, ваш гребень. Ну что ж, пойдёмте. – С этими словами ректор встал из-за стола, приблизился, положил руку мне на плечо, и в следующее мгновение мы очутились в знакомой комнате.

– Предлагаю приступить. С чего начнём? Кровать, шкуры, стол?

– Что? – Я взглянула на него широко раскрытыми глазами, до конца не поняв вопроса.

– Гребень, говорю, где искать будем?

Мне показалось, что Альтар просто смеётся надо мной, и я разозлилась. Стою тут краснею, слова вымолвить не смею, а он издевается! Злость придала решимости ответить ему в подобной манере:

– Я думала, вы достаточно сильный маг, для того чтобы взмахнуть рукой и заставить предмет прилететь к вам.

– Знаете, пассы руками не так уж обязательны, но поскольку только вы знаете, как выглядит этот пресловутый гребень, а ползать под кроватью в его поисках я не намерен, то предлагаю закрыть глаза и представить себе вашу вещь в деталях. Это значительно ускорит процесс.

Я сделала, как он сказал, и вздрогнула, едва его рука коснулась плеча.

– Готово. Держите.

Я открыла глаза и, ахнув от радости, выхватила у него мамин гребень. В следующий миг, не снимая руки с моего плеча, ректор перенёс нас в кабинет.

– Это всё, что вы хотели от меня, адептка?

– Да.

– Тогда желаю вам хороших каникул.

– Спасибо, вам тоже не хворать.

«Святые небеса, что я ляпнула?» – подумала я в смятении, заметив усмешку в уголках его губ. Пока не успела нагородить ещё чего-нибудь, поспешно сунула гребень в карман и выбежала за дверь. Там чуть не столкнулась с нетерпеливо ожидающей своей очереди Алатой.

– Что, небось, доставала нашего ректора жалобами или слёзно вымаливала чего-нибудь, а, Лелька? «Я такая бедная сиротинушка, голь перекатная, живу на содержании, домой и то добраться не на чем. Одолжите, господин ректор, вашу карету».

Не успела я ничего ответить Алате на её выпад, как дверь кабинета, возле которой мы стояли, снова отворилась и оттуда вышел ректор собственной персоной.

– Адептка Алата ван Кейро, вы собираетесь уже изложить своё дело? Или вы всерьёз полагаете, что я буду тратить время на ожидание вашей персоны?

– Простите, Альт... господин ректор, – пролепетала Алата и, бросив на меня злобный взгляд, прошествовала обратно в кабинет.

Не испытывая ни малейшего душевного подъёма от этой маленькой победы над своей недоброжелательницей, я со вздохом отвернулась и направилась укладывать последние вещи. Все душевные силы ушли на то, чтобы вернуть свой злополучный гребень.

Упаковывание оставшегося багажа заняло совсем мало времени. Я вынесла небольшой чемоданчик и оставила его у привратника. Теперь оставалось дожидаться отправки повозки, а перед этим стоило, пожалуй, перекусить в столовой. Аппетита хватило ровно на то, чтобы выпить клюквенный морс и сжевать небольшой кусочек хлеба с тонким ломтиком мяса.

Наконец повозка приехала. Она была совсем небольшая, на одного человека.

Деревянная, с колёсами на рессорах, с грязными стёклами крошечных окон, немного покосившаяся. Управлял ею возница из семейства человекочков-тинов. Тины, несмотря на свои миниатюрные размеры, были очень выносливыми, и одного завтрака им хватало на весь день. Им достаточно было и пары часов, чтобы выспаться, а спать при этом они могли, продолжая управлять каретой. Лошади интуитивно слушались своих маленьких хозяев и везли повозку, не сбиваясь с пути. За одну серебряшку человекочков-тин согласился довезти меня до дома. Цена вполне разумная, а учитывая, что всему семейству хватит этих денег на месяц безбедного существования, мы, к удовольствию обоих, могли спокойно отправиться в путешествие. Позволить себе что-то дороже – недопустимая роскошь. Рангом выше – магический транспорт. Там сила магии приподнимала карету над дорогой – и вы совершали путешествие плавно, не трясясь на ухабах и рытвинах, «прелесть» которых сполна ощущается в обычных повозках. За карету нужно было отдать целый золотой, а это мне пока не по карману. Всё моё содержание составляло одну серебряшку за два месяца. Тётка считала, что этого достаточно для жизни адепки, которой жильё, питание и даже одежду предоставляет школа.

Дальше в транспортной иерархии стояли экипажи знати, но такие я видела только издали и не знала толком, что и как там устроено. Испытать на себе удобство подобного чуда можно было за три золотых монеты. М-да, я смогу проехать на таком транспорте только в том случае, если сама его построю.

Последний способ путешествий – магические порталы. В университете был один для богатых студентов и преподавателей, хотя некоторым, например Альтару, порталы не нужны, такие, как он, могут открывать их самостоятельно. Но то диорская кровь, простым же смертным такое недоступно, требуются объединённые усилия нескольких могучих магов, чтобы организовать направленный портал в конкретное место, на это тратится уйма магических, а следовательно и физических, сил. В наш город я смогла бы переместиться за половину мешочка с золотом.

Итак, я забралась в прибывшую повозку и, раскачиваясь из стороны в сторону на жёстком деревянном сидении, покатила в родной город. Наверное, я ослабила контроль над собственными эмоциями: лицо вдруг стало мокрым от слёз. Я ехала домой, уезжала от того, кого полюбила – неожиданно, безоговорочно и безоглядно, от того, кому была нужна ровно на одну ночь. Ехала туда, где меня никто не ждал. Я плакала и плакала, не стесняясь собственных рыданий, ведь никто не мог услышать их за пределами повозки.

Спустя некоторое время я свернулась на узком сидении и накрылась плащом. Меня сморил беспокойный сон, в котором я отчётливо видела его, чувствовала его поцелуи, слышала собственные стоны. Просыпаясь с колотящимся сердцем в холодном поту, немного погодя вновь впадала в забытие. Не знаю, сколько уже прошло времени. Повозка катилась и катилась, не останавливаясь. Да и необходимости в остановках не было. Внутри имелся встроенный ящичек для отправления естественных надобностей, после которого содержимое ящичка перерабатывалось магическим способом – и никаких неприятных запахов не оставалось. Я взяла в дорогу пару бутербродов и намеревалась докупить еды на станциях, но ощущала себя совершенно обессиленной. Не было желания есть или пить – только лежать, не двигаясь, проваливаясь в короткие беспокойные сны. В какой-то момент я снова открыла глаза и наконец осознала, что свалилась от лихорадки, сродни той, которой болела после гибели мамы с дядей.

Мама растила меня одна. Она и мой дядя были родными братом и сестрой, а тётя Пенелопа приходилась им сводной сестрой со стороны отца. Он женился повторно после гибели первой супруги, подарившей жизнь сыну и дочери и рано ушедшей за небесный круг. Отношения между сводными родственниками не заладились. Отец мало внимания уделял своим детям, его вторая жена и вовсе игнорировала старших отпрысков, заботясь лишь о собственной единственной дочери. Вот так они и росли вдвоём, рассчитывая только на помощь друг друга.

Моя мама, Эджелина, и дядюшка Ройсэн вместе ушли из дома отца после его смерти. Мачеха смогла прибрать к рукам всё наследство и выставить неугодных юношу и девушку за порог. Дядюшка Ройсэн устроился на работу и снял жильё для них с сестрой. Ему часто приходилось ездить в различные уголки королевства на заработки. Из этих командировок он всегда привозил любимой сестрёнке разные милые вещички. Эджелина в его отсутствие вела дом, а также чинила чужую одежду.

Однажды, когда брата не было дома, в дверь постучал молодой маг, принёсший на починку роскошный плащ с большой прорехой на спине, полученной в результате какого-то магического поединка. Мама говорила, что он поразил её сердце с первого взгляда и она ни на минуту не жалела о времени, проведённом с моим будущим отцом. Теперь я, кажется, лучше понимала её. Маг уехал спустя два дня, завершив все дела в городе и прислав юной Эджелине прощальный подарок – то самое кольцо с самоцветными камнями; с собой он её не позвал. Мама говорила, мол, стоит гордиться тем, что в моих жилах течёт кровь сильного мага. Она искренне радовалась, оттого что я имела способности к магии, каких не было ни у неё, ни у дяди, ни у тёти Пенелопы.

Когда брат вернулся, выяснилось, что Эджелина ждёт ребёнка. Дядюшка Ройсэн винил себя за случившееся. Я однажды слышала в детстве, как они тихонько переговаривались у камина:

– Ты опять получила письмо от Пенелопы? – спросил дядя.

– Да. Она пишет, что я навлекла позор на семью, родив внебрачного ребёнка. Говорит, что для искупления этого греха я должна отдать дочку в сиротский приют и до конца дней молить святые небеса о прощении.

– Пенелопа глупа, она не имеет ни малейшего представления о любви, о том, что такое дети.

– А ты, Ройс. Ты ведь тоже не женился, не имеешь детей, ты всё время проводишь со мной и Леей, я лишила тебя возможности завести свою семью.

– Не говори глупости, Лина, я люблю вас обеих, а жениться ещё успею – какие мои годы!

Милый дядюшка и правда обожал меня, свою маленькую племянницу. Он заботился обо мне так, как не каждый отец заботится о собственном ребёнке. Наверное, отдавал всю ту любовь, что не растратил в детстве на своих родителей. Я знаю, что тётя Пенелопа периодически писала маме письма, а мама отвечала на них. Она считала необходимым поддерживать связь с сестрой, даже если та не в восторге от её выбора.

Всего однажды тётка навестила нас, но визит тот не оставил у меня приятных воспоминаний. В то время мы жили уже в своём маленьком поместье. Дядюшка с мамой взяли займ в банке, чтобы купить уютный двухэтажный дом с небольшим земельным наделом. Мама разбила там сад и ухаживала за ним. Дядя делал в доме все ремонтные работы: то стекло заменить, то крышу залатать, то камин прочистить. На часть денег они

открыли мастерскую по ремонту одежды. Мама работала там вместе с помощницей, мисс Зинови. Я часто проводила с ними время, помогая по мере сил. Ещё я очень любила бывать на светлом и просторном чердаке нового дома. Мне обустроили там уютное местечко, а дядюшка прорубил окно в крыше, чтобы я могла вечерами любоваться звёздами или смотреть с высоты на поля, в которых работали сельчане, видеть далёкий тёмный лес, а за ним – синие горы. Где-то там было море, и я нередко представляла его себе по описаниям дядюшки, который достаточно поездил по миру. Когда уезжал надолго, дядя брал нас с мамой в качестве сопровождающих. После того случая с магом он старался не отлучаться на долгое время или просил маму поехать вместе с ним. Вот и в свою последнюю поездку он позвал нас с собой. Мама была в восторге, что увидит море! Всего-то короткая морская переправа в небольшой приморский городок – но для мамы это было настоящее захватывающее приключение. Мне тогда исполнилось двенадцать лет, и дядюшка сказал, что морская поездка станет подарком для меня. Как же я ждала того путешествия, как мечтала привезти из приморского города волшебную перламутровую раковину, которая бы светила разноцветными огнями по ночам и издавала шум океана.

Буквально перед самым отъездом я свалилась с яблони, росшей в нашем саду, и сломала руку. Мамочка так переживала, даже когда врач сказал, что организм молодой и кость срастётся быстро. Конечно, если бы мы могли позволить себе врача-мага, то я бы пошла на поправку намного быстрее. Только в нашем городке таких лекарей не было, маги работали в основном в больших городах, жители которых могли позволить себе оплатить их услуги. Мамочка решила остаться со мной, но я слезами заставила её не отказываться от путешествия. Мне было так жаль, что из-за меня и она не увидит моря, а ведь мы обе ждали этой поездки! Знала бы я, к чему приведёт моя просьба.

Спустя неделю после их отъезда к нам постучал гонец. Пожилая мисс Зинови, которая присматривала за мной, пошла отворить дверь. Я с любопытством маячила позади. Рука, надёжно зафиксированная тугой повязкой, совершенно не беспокоила меня. Именно тогда я и услышала новость, как баржа отошла от берега, как капитан, спешивший поскорее добраться до места назначения, вышел в море, несмотря на предупреждение магической службы погоды, говоря, что небольшая буря не причинит вреда его судну. Я узнала, что помощник капитана, выпив лишнего накануне ночью, не обошёл баржу с обычной проверкой и не знал, что охлаждающая система парового котла не в порядке. В тот момент, когда баржа была на середине пути, котёл взорвался, проделав огромную дыру в днище, мгновенно наполнившуюся водой. Судно потонуло в рекордно короткий срок. Двадцать человек нашли покой на дне морском, а среди них и двое единственных на свете дорогих мне людей. Новость о том, что король издал указ о предварительной проверке всех отходящих барж, что подобная халатность отныне будет караться заключением в темницу, и всё остальное, о чём говорил гонец, прошли мимо меня. Мисс Зинови объясняла потом, что семьям погибших будут выплачены компенсации, но мне это было глубоко безразлично.

Тогда же меня и свалила лихорадка. Она продолжалась неделю, я никого не узнавала, металась в жару и звала маму, вокруг же раздавались чужие голоса. Когда крепкий молодой организм поборол болезнь, я очнулась в своей кровати, разбуженная разговором незнакомых людей. Позже уже поняла, что это доктор говорит с тёткой Пенелопой, которая отныне являлась моей опекуной. Они обсуждали моё здоровье, а доктор объяснял, что нервическая лихорадка редко приводит к смерти и я обязательно поправлюсь. Я и поправилась физически, но огромную пустоту в душе невозможно было ничем заполнить. Доктор также

снял повязку с моей руки, пояснив, что у магов кости срастаются намного быстрее, чем у обычных людей. Перед уходом врача я услышала, как тётка спросила его: «Доктор Хан, что же мне теперь делать с ней? Я не знаю, как заботиться о ребёнке». А врач ей ответил: «Когда девочке исполнится семнадцать, вы можете отдать её в магический университет, у неё есть способности. Детей магов всегда берут в такие заведения, если они успешно справляются со вступительными заданиями. Она станет магом и сможет в дальнейшем сама о себе позаботиться».

Вот тогда тётка твёрдо вбила себе в голову, что отдаст меня в университет. Наконец-то она осознала плюсы от связи моей мамы с мужчиной-магом. Дети простых людей не учились в университетах. Обычно их обучали различным ремёслам у мастеров, а после они делали эти занятия своей профессией. Не одарённые магически люди составляли своего рода обслуживающую единицу королевства, а все административные должности занимали те, кто обучался в университетах, те, кто владел магией. По воле тётки я могла бы стать чьей-то помощницей, но тогда меня всё равно пришлось бы кормить и одевать, пока сама не начала зарабатывать себе на хлеб, да и много таким трудом не заработаешь: все богатейшие люди – тоже маги.

Послав племянницу в университет в семнадцать лет, тётка навсегда избавлялась от моей особы, не считая тех двух месяцев в году, когда я приезжала погостить. Ей также не нужно было тратиться на моё содержание. Будь её воля, она бы не слала денег вовсе, но мама и дядюшка ещё при жизни открыли счёт в банке, на котором хранили свои сбережения. Согласно завещанию, деньги с этого счёта ежемесячно шли на моё содержание. Тётка, правда, и тут провернула очередную махинацию и слала только по серебрушке раз в два месяца, а остальные две брала себе, как опекунке несовершеннолетней девицы. В банке ведь не выясняли, куда тётка отправила меня учиться, зато исправно переводили ей деньги. Забрать всю сумму себе она не могла, боясь лишиться наследства из-за нарушения условий завещания, а так условия она не нарушала, но и деньги в свой карман получала.

Все эти воспоминания проносились в моей голове, пока повозка катила по направлению к поместью (так в шутку называли наш дом мама с дядей). Я снова была больна и даже сама могла поставить себе диагноз – нервическая лихорадка. Способы лечения? Трястись в ветхой повозке и ждать, пока молодой организм одержит верх над болезнью. Да и велика ли потеря, если не одержит?

Альтар:

Я устало скинул с ног сапоги и устроился возле камина. Да, нелегко решать чужие проблемы и разгребать весь этот мусор. Король решил всерьёз заняться системой образования в королевстве. Он прислал меня в магический университет, когда слухи о взяточничестве бывшего ректора достигли его сиятельных ушей. Ехать не хотелось, в столице держали кое-какие дела, но личную просьбу короля нелегко проигнорировать. М-да, вечно он поручал исполнять грязную работу за других, оттого за глаза меня прозвали жестоким. Ну а с другой стороны, кого жалеть? Всех этих ворюг? Пусть гниют в темнице, там им самое место.

Я вновь устало потянулся в кресле, взял в руки бокал вина, отпил глоток, и мысли плавно переключились на более приятные воспоминания. В последний раз я пил это вино в весьма милой компании. Очаровательная девушка Лея, очень страстная, а кожа пахнет карамелью. С детства люблю карамель. Улыбнувшись собственным мыслям, я вспомнил, как

она пришла в кабинет: дико смущалась и была расстроена. Я прекрасно понял причину этой печали, но, с другой стороны, какой смысл затягивать наши отношения? Не буду спорить – ночь мне понравилась и я не прочь повторить. Вот только девушке самой от этого станет хуже. Тайные встречи в университете, пока я не вернусь в столицу, – разве она примет подобное? Насколько я разбираюсь в женщинах, Лея не примет. Её, бесспорно, можно вновь соблазнить, но не хотелось разбивать девушке сердце. Она ещё слишком юная для подобных отношений. С другой стороны, я мог бы сдержаться, не лишая её невинности. Физически меня влекло к ней, хотя она не относилась к тому типу женщин, которых я предпочитал выбирать себе в партнёрши. Просто очаровательная серая мышка. Если бы не тот амулет, всё могло сложиться иначе, а так – поцелуй в кабинете раззадорил меня, предвкушение запретного плода только подлило масла в огонь. Однако я довольно успешно боролся с собственным желанием и не тронул бы девушку: слишком молода, слишком невинна – я ведь не прикасаюсь к таким. Когда же увидел её в коридоре в обнимку с тем молокососом, разум заволкло пеленой ярости. Платье полурасстёгнуто, волосы распущены, плечи оголены, а этот тип нагло тискает её, не скрывая своих намерений. Он же собирался лишит девушку невинности прямо в коридоре, а она стояла и позволяла себя лапать. Я страшно разозлился. Зачем мне было сдерживать собственные желания, когда этот малолетний выскочка нагло пользуется девичьими прелестями? Я знал такой тип парней. Сначала грубо овладеет, а после раструбит всем об этой связи, хвастаясь собственной мужской силой. Не лучше ли мне научить малышку более приятному способу любви, показать ей, насколько нежным и страстным может быть мужчина? Её ведь тянуло ко мне, я чувствовал. Раньше никогда не пытался скрывать или укрощать собственные желания, а в случае с Леей я старался поступить благородно. Вот только она сама напросилась.

Но девушка всё-таки молодец. Когда Лея зашла в кабинет, я решил, что слёз, истерики и обвинений в мой адрес не миновать, однако ошибся. Она только хотела вернуть себе какой-то гребень. Подобная уловка стара как мир: отговориться поиском некоей дорогой сердцу вещи, а после, оказавшись с мужчиной в нужном месте наедине, попытаться вновь соблазнить. Я был удивлён, когда и в этот раз ошибся. Лея забрала свой гребень и была так счастлива – я даже подсадовал на невозможность поцеловать её вновь. Поцелуй явно привёл бы к приятному продолжению, а в кабинете ждала эта вертихвостка Алата. Невероятно наглая девица! Заявилась ко мне и едва ли не требовала сделать её своей официальной любовницей. Красота вскружила девчонке голову! Во-первых, ей с её взбалмошностью и самомнением пост официальной любовницы никак не светит, а во-вторых, если уж сравнивать, Лея на такую должность больше подходит: нежная, покорная, не устраивает скандалов, да и чувствуется в ней некая внутренняя сила. Когда она выучится, может превратиться в очень достойную магину, главное, чтобы пошла по верному пути. Вот только у Леи происхождение не позволяет метить так высоко. Официальная любовница появляется у диора после женитьбы, и это всегда женщина с прекрасной родословной, да к тому же не просто симпатичная, а любимая женщина. Я же пока не женат, делать выбор ещё рано, сейчас я готов только к простым, ничего не значащим отношениям.

Пока изучал карту Леи, заполненную при поступлении, обратил внимание на баллы за вступительные экзамены. Всё как по шаблону. Значит, девушка тоже поступила с помощью взятки. В учёбе она, опять же, не блещет. Баллы – чуть выше среднего, достаточные, чтобы не привлечь моего внимания при проверке, но вот король ясно дал понять, что новые реформы направлены на воспитание сильных магов в королевстве. Тем, кому недостаёт дара

или упорства и кто попал в учебное заведение за взятку, лучше покинуть университет. Жаль всё же девушку. Я задумался. Ну что ж, сделаем маленькое исключение и оставим всё как есть. Пусть возможность продолжить учёбу станет для Леи моим прощальным подарком.

Лея:

Вот и конец моего путешествия. Я снова дома, точнее в доме, который теперь мне не принадлежит, чердак и тот забили разным хламом. Хорошо, что старый Томас вышел встречать и помог выбраться из повозки, иначе я бы просто выпала через открытую дверь. Милый Томас подхватил меня на руки и понёс в дом, заставляя вновь ощутить себя маленькой девочкой.

Томас не был нашим слугой – слуг мы не имели, но он ушёл из дома деда вслед за мамой и дядей и вместе с ними приехал в этот городок, а после нашёл себе работу. Всё свободное время проводил со своими любимыми «маленькими хозяевами», как называл он брата и сестру. Томас и меня принял словно родное дитя. Просто в таком большом сердце свободно умещалась огромная любовь ко всем членам нашей маленькой семьи.

Когда мои родные погибли, Томас устроился дворецким у тёти Пенелопы. Она обожала пускать пыль в глаза, любила воображать себя аристократкой. Продав старый дом своего отца, тётка перебралась в наш маленький особняк, выплатив последнюю часть займа и оформив его в собственность. Вырученных денег хватило, чтобы нанять садовника, дворецкого, кухарку и пару служанок. Её старая матушка давно скончалась, и тётка строила далекоидущие планы относительно собственной судьбы. Она мечтала выйти замуж за человека родовитого и состоятельного. Понятно, что я в этом случае представляла собой досадную помеху, хотя и являлась её единственной родственницей.

Когда Томас внёс меня в дом, я различила знакомые голоса. Сознание, будучи во власти болезненного бреда, едва улавливало смысл фраз:

– Что с ней, Томас?

– Больна.

– Неси в гостевую на первом этаже.

– Может, в её комнату?

– Её комната занята.

– Нужно позвать врача.

– Аделина с Каролиной помогут, они разбираются в лечебных травах и сварят какой-нибудь отвар.

Аделина, Каролина... какие ещё имена она придумала для своих слуг? Селянки, манерам не обучены, травами промышляют – а как благородно называются. Раньше были просто Алька да Кирка. Меня вот тётка упорно звала Лили, хотя я это имя на дух не переносила. Как она ещё Томасу не придумала нечто возвышенно-благородное, типа Теодосия?

Такие странные мысли проносились в моей голове без связи с окружающей действительностью. Их мгновенно сменяли другие мысли и картинки. В бреду мне казалось, что лежу в объятиях Альтара, которые сжимаются всё сильнее, пока я не начинаю задыхаться. Я пыталась вырваться, а меня сжимали ещё крепче и заливали в рот какой-то горький, противный отвар. Диор часто приходил во сне. Мне виделись его серые глаза, слышался голос, который что-то нашептывал. Однажды приснилась странная комната, в которой мы были одни. Альтар стоял и глядел на меня, красивое лицо было искажено

яростью, а глаза вместо серых стали чёрными. Вот он протягивает ко мне руки и сжимает шею. Мне очень страшно, сердце бешено стучит, но постепенно стук его замедляется. В ужасе я открыла глаза, резко сев на постели.

Очнулась в небольшой гостевой комнате. Рядом, на столике, стояли какие-то пузырьки и настойки. В этот миг дверь отворилась и вошёл Томас.

– Леюшка, девочка, проснулась! Ну как ты? Как себя чувствуешь? Болит где? – своим воркованием Томас напоминал старую няньку.

У меня ничего не болело, болезнь ушла, жар выжег всю отраву из организма.

– Леюшка, настойку выпей. Доктор сказал пить ещё неделю, даже когда очнёшься.

Я откашлялась, голос хрипел невообразимо.

– А что... я долго болела? Доктора вызывали?

– Две недели в сознание не приходила. Доктор, благодетель наш, тебе настойки выписал, ты после них и пошла на поправку. Дней шесть Алька пичкала тебя отравой всякой, а на седьмой я Пенелопу уговорил врача толкового позвать. Она уж и сама напугалась, что ты в себя никак не придёшь.

– Ну да, побоялась, что умру здесь, у неё на руках.

– Ну, ну, не говори глупостей. Не желает она тебе зла, о своей выгоде печётся, это да, но за родню тебя всё же признаёт, хоть нос и воротит для вида.

– А почему я здесь лежу?

– Так, там такое дело... – Томас немного замялся. – Гость у хозяйки, ну вроде как жених. Месяц как поселился тут со слугой своим. Ехал однажды мимо в карете, там ось полетела, видать совсем никудышные маги делали, вот он и попросился к тётке твоей на ночлег, пока мага не дождётся, чтобы карету починить. А какие в нашей глуши маги? Вот и живёт тут у нас. Осмотрелся, понравилось, видно, да и тётке твоей предложение сделал. А кто таков – непонятно. Сам-то про себя насочинял с три короба, мол, родовитый он, аристократы в роду были, колене так в седьмом, дом свой имеет. Ты вот скажи, дочка, если дом свой имеет, чего он тут живёт-то? Тётка твоя уши развесила, к свадьбе готовится. В комнате твоей его и поселила, это же самая лучшая комната в доме.

Ну да, была лучшая, а потом тётка весь дом на свой манер переделала, теперь вот вообще непонятно, где что.

– Про мой приезд Пенелопа что говорила?

– Да ничего. Надеялась, может, что не приедешь.

– А куда мне было податься? В университете на каникулы не останешься.

– Про подругу твою говорила, думала, что, может, к ней поедешь. Ты ведь домой не слишком любишь наведываться.

Что есть, то есть. Только Мила поехала в гости к своей бабушке, а та жила недалеко от дома Лериана, такое вот «случайное» совпадение. Оттого у меня выбора и не осталось – подруг ведь на свидания не приглашают.

– Значит, Пенелопу не слишком обрадовал мой приезд? Понимаю, сейчас моё нахождение в доме не желательно, она ведь почти мужем обзавелась.

– Да что ты говоришь, доченька, твой это дом, ты сюда завсегда приехать можешь.

Тут меня осенила идея:

– Том, ты помнишь сторожку в конце сада? Её ещё старые хозяева для привратника своего держали.

– Помню, Лея, да только грязь там, крыша прохудилась, стены покосились.

– Томас, ну какая разница, ты ведь можешь починить, у тебя руки золотые. Там комната одна, мне этого хватит, я сама в ней уберусь. Сейчас лето, тепло, полтора месяца там проживу до отъезда, а питаться на кухне буду, ну или там же, в сторожке. Попрошу кухарку Эби приносить мне то, что останется после обеда. Тётка будет довольна.

– Ну ежели ты настаиваешь, дочка, тогда я починкой сегодня и займусь. Ты тётке сказать не забудь. И вот ещё что, возьми вот. – Он протянул мне небольшой свёрток. – Подарок я тебе приготовил на твоё восемнадцатилетие. Это так, мелочь, от матери мне достался, но мне приятно, если он у тебя будет, детей-то мне небеса не послали, а ты мне заместо дочки.

Я была поражена. Я совсем забыла про свой день рождения, а он пришёлся... пришёлся как раз на тот день, точнее вечер и ночь, что я провела в объятиях Альтара. Вот так подарок! Просто бесценный опыт на всю жизнь! Спасибо вам, господин ректор.

День рождения я не праздновала со времён гибели моих родных и подарков ни от кого не ждала. А вот Томас не забыл! От такой заботы слёзы навернулись на глаза. Я открыла свёрток и нашла в нём серебряный кулон на цепочке. Кулон был выполнен в виде солнечного колеса, а по гладкой основе в центре шли красивые узоры. Выглядел он просто, но вместе с тем очень изысканно. Я ещё раз поблагодарила и поцеловала старого друга за такой чудесный подарок.

Тут в комнату вплыла тётя Пенелопа. Ей уже исполнилось тридцать пять лет, и, живя в своё удовольствие в окружении слуг, она значительно располнела. При этом, однако, не потеряла привлекательности, обладая приятным лицом и красивыми глазами. С мамой они были мало похожи. Многие признавали младшую сестру привлекательнее старшей, но для меня мама всегда была самой красивой. Выглядела тётка довольной жизнью и просто лоснилась от осознания собственной удачи. Ещё бы! Её мечта осуществилась.

– Лили, здравствуй, как самочувствие?

– Хорошо, спасибо.

– Как учёба?

– Неплохо.

– До меня дошли слухи, что старый ректор подал в отставку. Кто ваш новый руководитель? В университете многое изменилось?

Вот оно что! Тётка волнуется, как бы меня не выгнали и я не вернулась домой. Ну а вообще, кто мешал попробовать пристроить племянницу обычным путём? Испугалась, что не пройду вступительные экзамены и придётся искать другие варианты. Сама решила дать взятку, а теперь вот дрожит, как бы я не оказалась на её шее.

– Новый ректор – сильный маг. Многие студенты говорят, что он приближенный короля. Изменения есть: отчислили многих неуспевающих, а те, кто остался, должны вернуться к началу следующего учебного года.

– Неплохо.

Заметно было, что у тётки отлегло от сердца, она даже улыбнулась. Воспользовавшись моментом, я рассказала о своей идее переехать в сторожку. Тётка благодушно согласилась и даже пообещала, что сама велит кухарке Эби готовить для меня еду. Вот так всё и устроилось, ко всеобщей радости: я не встречалась с тёткой и её женихом, облюбовав укромный уголок сада, а Пенелопа спокойно и без помех продолжала претворять в жизнь собственные планы. Они даже оговорили день свадьбы, которую собрались организовать вскоре после моего отъезда. Кстати, я этого жениха всё-таки встретила пару раз: первый – когда Пенелопа представила нас друг другу, а второй – во время прогулки по саду. Его звали

Антуан, и был он флегматичным дородным мужчиной с эффектной внешностью, как раз во вкусе Пенелопы. Я бы на её месте узнала о нём побольше, но не удивлюсь, если тётка уже выяснила всё необходимое. В чём в чём, а в таланте извлекать из всего выгоду я намного уступала Пенелопе.

Каникулы не привнесли в моё унылое существование ничего нового. Я держалась подальше от главного дома и общалась только с Эби и Томасом, восстанавливалась после болезни, занималась шитьём, чтобы хоть как-то развлечься. Несколько раз вышла прогуляться в город, прошлась по чистым улочкам, посмотрела на вывески новых магазинов, зашла даже в книжную лавку и, не знаю зачем, купила подержанную брошюру по иерархии магических родов нашего королевства. В городе за год моего отсутствия мало что изменилось. Горожане всё так же занимались каждый своим делом: хозяйки спешили по утрам на городской рынок за продуктами, малыши играли на улице под присмотром мамаш, дети постарше отправлялись на уроки к мастерам, мужчины торопились на службу. На полях за городом с утра пораньше трудились крестьяне, желая по осени снять богатый урожай. Никакой магии, ничего необычного, всё как всегда. Даже в городском храме, в котором совершались подношения небесам, а также возносились молитвы местным божествам, не использовались чары. Отношение ко мне тоже мало изменилось: всё так же здоровались сквозь зубы – а как ещё здороваться с незаконнорождённой, позорящей этот чистый городок своим присутствием? Были, правда, и те, кто считал, что я добилась успеха, поступив в магический университет, и даже вежливо осведомлялись о моем здоровье. Мне мечталось порой, как в будущем я потрясу этот сонный городок своими великими деяниями, но пока ничего потрясающего я не совершила, а потому просто бродила по улицам, привычно опуская голову вниз и рассматривая выбоины в старой мостовой.

В страхе перед приближением учебного года я каждый день пыталась загнать поглубже свою тоску. Я боялась вновь встретиться с Альтаром, но к тому, как всё в итоге повернулось, оказалась совершенно не готова.

Глава 3.

Направление придворной магии

Настал день отъезда. Томас – неизвестно каким образом – убедил тётю Пенелопу, что будет лучше, если он сам отвезёт меня в университет на нашей простой, но удобной магической повозке. Кажется, он запугал тётку тем, что я могу снова заболеть в дороге, если поеду обычным транспортом. Слава святым небесам, о настоящей причине моей болезни никто не догадывался. Томас пытался расспросить, но я ответила, что всё из-за нервов и проверки, проведённой новым ректором. Милый старый дворецкий за два дня доставил меня в университет и помог отнести вещи в комнату. У меня за это лето прибавилось комплектов нижнего белья, которые я привезла с собой. Ну не оставлять же их в старой сторожке. Попрощавшись с другом и помахав ему вслед, я отправилась перекусить в столовую и встретила там счастливую Милу. Подруга кинулась обниматься. Она всё тормозила меня и расспрашивала, как прошли каникулы. Рассказывать было нечего, поэтому я с удовольствием послушала подробную историю об их с Лером встречах, а попутно и про то, какой Лер чудесный, заботливый и внимательный.

– А ты знаешь новость?

У меня от предчувствия быстрее забилося сердце.

– Какую новость? – нерешительно спросила я.

– Альтар, пока шли каникулы, навёл тут порядок. Сейчас добавились новые занятия и предметы, даже целое направление появилось – «Придворная магия». Но главное, он сам уехал, а на своё место определил нового ректора, да не простого, а одного из придворных магов, так что скучать нам не придётся. А ещё...

Дальше я плохо слышала, о чём говорила Мила. Альтар уехал, уехал! Это ведь хорошо. Я не встречусь с ним больше. Отчего же мне так больно? Он уехал. Всё! Я его не увижу, никогда не увижу! Мы с ним люди из разных миров, он – с самой верхушки социальной лестницы, а я стою у её подножия. Ну почему, почему я не могу заставить своё сердце обрадоваться этой новости? Теперь он не будет маячить передо мной постоянным искушением. День за днём боль будет притупляться, и я забуду его в конце концов. Да, я должна убедить себя в этой мысли. Я свободна от его присутствия и могу продолжить обучение. Я ведь просто счастливица! Но... почему мне так тоскливо?

Первый день ознаменовался знакомством с новым ректором. Это был настоящий седобородый маг, по такому сразу видно: заколдует и глазом не моргнёт. Высокий, я бы даже сказала, огромный, ну просто Маг с большой буквы. Глаза у него были какие-то пронзительные, наверное чтобы с первого взгляда распознавать шпионов при дворе. Такой, пожалуй, и правда справится с ордой неутомных школяров.

– Господа адепты, я представляюсь: Агнет эль Колин, можете обращаться ко мне «господин ректор».

– Рангом пониже Альтара, у того приставка «дар», – шепнула мне на ухо Мила.

– В учебной системе произошли большие изменения. Вас распределят по группам согласно способностям. Все вы знаете, что в нашем королевстве строго соблюдается магическая иерархия, однако людей с сильными магическими способностями не так

уж много, потому королю выгодно воспитывать будущее поколение достойных магов, которое в дальнейшем составит основу королевской власти. Особо выделю, что появилось новое направление – «Придворная магия». Это направление только для сильных магов, но попробовать попасть туда могут все желающие. Отбор будет жёстким, часть прошедших его адептов может отсеяться в начале тренировок. Попавшие сюда будут иметь возможность работать при дворе. Это великая честь и большая ответственность. У вас не будет времени устраивать личную жизнь, если вы выберете это направление. Вы должны будете выкладываться по полной, развивая и совершенствуя собственный дар.

Работа при дворе! Это значит, что я могла бы работать во дворце, быть там, где Альтар. Нет, нет, какой Альтар? Про него надо забыть! Разве только одним глазком увижу где-нибудь на дворцовом приёме. Однако какие возможности даёт такая работа! Мамочка и дядя очень гордились бы мной, займи я подобное положение. Больше никто не посмел бы кинуть в лицо уничижительное «плебейка», никто не стал бы оскорблять или смеяться надо мной. Я хочу попасть на это направление!

– Сейчас вы отправитесь по кабинетам, и там преподаватели проведут анализ ваших магических данных. Список самых сильных адептов, которые получают шанс поступить на придворную магию, вывешат в главном холле. А теперь вперед, господа.

Все мы выстроились перед кабинетами, в которых проходил отбор студентов на разные направления. Я ужасно нервничала. Мало кто из адептов имел представление о силе своего дара. Полукровки по определению относились к слабым магам, но попадались среди них и очень одарённые. По слухам, всё зависело от качества крови. Другими словами, при крайне редко встречаемой генетической совместимости мага-мужчины и обычной женщины (только так получались полукровки – женщины-маги не могли передать свои способности ребёнку, рождённому от обычного мужчины) на свет появлялся магически одарённый младенец. Если в первые годы его жизни кровь отца подавляла кровь матери, то ребёнок мог стать очень сильным магом. Ещё одним условием служило наличие в фамильном древе отца не менее пяти пар предков, которые были магами. Случаи с предками не являлись такой уж редкостью. В старые времена браки между магами и немагами вообще были запрещены, даже теперь такое случалось крайне редко. Человеку с детства закладывалась в голову мысль о важности сохранения чистоты крови, развития и усиления дара и ещё много подобной ерунды. Вот благодаря вышперечисленным причинам полукровки редко обладали сильными способностями, но вдруг я окажусь исключением? Мама говорила, что отец был очень одарённым магом, хотя любовь могла её ослепить.

Пока подошла моя очередь входить в кабинет, я вконец извелась. Мила, стоявшая рядом, совсем не нервничала, для неё было не принципиально, на какое направление идти. Распределяли только тех адептов, которые поступили в университет в этом году, и адептов-второкурсников, так как на первом курсе мы изучали теорию и даже не приступали к магическим тренировкам. Все остальные заканчивали направление «Магия общего профиля». Наше учебное заведение потому и называлось Университетом общей магии, что мы пополняли ряды тех, кто практиковал в небольших и средних городах. Поступая на службу, год проходили специализацию, а после либо становились строителями или предсказателями, либо занимались починкой магических предметов. В общем, специализаций было много. Наверное, королю позарез нужны сильные маги, раз было создано целое направление и проведена реформа в нашем довольно захолустном университете.

У меня от страха застучали зубы. Мила, взглянув в мою сторону, покачала головой и предложила поскорее взять себя в руки, а сама вызвалась в кабинет первой. Пока она там находилась, я кое-как привела чувства в порядок. Наконец дверь отворилась, и появилась подруга. Вид у неё, мягко говоря, был ошарашенный. Я молча смотрела на девушку с вопросом в глазах.

– Лея, не представляешь, но у меня высокий уровень дара, я могу пойти на это новое направление! Ты только подумай, кто бы мог догадаться! Родные в обморок упадут от радости! Что ты так бледнеешь? Приди же в себя! Давай, ступай, я в тебя верю. Не поступишь на придворную магию – никто тебя из университета не выгонит.

Никогда так не волновалась! Хотя нет, волновалась – после встречи с Альтаром. Ну же, довольно, пора выбросить мысли о нём из головы!

Зайдя в кабинет, я прошла к преподавателю – ван Доргу. Его я знала ещё с первого курса, он вёл предмет «теория магического дара».

– Адептка ди Орсано, прошу, подойдите и положите руки на эту сферу. При слабом даре она окрашивается в жёлтый цвет, при более сильном – в голубой, при самом сильном – в красный. Прошу вас.

Я приблизилась вплотную к небольшой сфере с матовой поверхностью, установленной на специальной подставке на столе, протянула руки и коснулась её – она была холодной, слегка пульсирующей. Пульсация стала сильнее, в глубине зародился светло-жёлтый туман, он клубился и темнел, постепенно заволакивая сферу и окрашивая её в яркий жёлтый цвет.

– Благодарю вас, адептка, – промолвил преподаватель, делая пометку в своём списке.

Мои руки приросли к сфере, а в душе зародилась вселенская обида на судьбу, которая не могла даже наделить меня сильным магическим даром. Эмоции грозили перелиться через край. От злости я немного сжала шар в руках, рискуя разломить его пополам. В этот момент случилось странное: поверхность стала стремительно темнеть, окрашиваясь сперва в синий, а затем – в насыщенно-фиолетовый цвет. Преподаватель от удивления наклонился вперёд и едва не ткнулся в сферу носом.

– Это что такое? Адептка, вы применили заклинание? Что это за цвет?

– Я ничего не применяла, я только огорчилась, что у меня низкий уровень дара, – в растерянности ответила я.

– Так огорчились, что сфера стала фиолетовой? Дар невозможно ни получить, ни изменить! Что вообще означает этот цвет? Это между голубым и красным или выше красного?

Не знаю, кого спрашивал преподаватель, но я была последним человеком, который был способен ответить на его вопросы.

– На какое направление вы намеревались поступить?

– Придворной магии.

– Вот оно что. Мне сложно сейчас принять решение, необходимо посоветоваться с ректором. Ступайте пока и ждите окончания тестирования.

Я вылетела в коридор в полнейшем смятении чувств. Как теперь дождаться конца этого тестирования?!

– Ну что? – подскочила ко мне Мила.

– Не знаю, сфера стала фиолетовой.

– Фиолетовой? У меня была голубой.

– Да, такого яркого фиолетового цвета.

– Я думала, там всего три цвета. А что преподаватель сказал?

– Сказал, что ему нужно с ректором поговорить. Мила, а на направление «Придворная магия» берут и тех, у кого цвет голубой?

– Берут, если ты этого хочешь. Преподаватель сказал, что это средний уровень дара, ближе к красному, и мы имеем возможность усилить свои способности упражнениями, если пройдем вступительные тесты.

– Из чего состоят такие тесты?

– Мне не сообщили, но я так понимаю, тестировать будут с помощью практических заданий. Что теперь делать?

– Ждать окончания распределения.

Мила оставалась рядом, пока последний адепт не вышел из кабинета. Спустя десять минут меня наконец позвали внутрь. В кабинете оказались преподаватель ван Дорг и сам ректор, а я и не видела, чтобы он входил, наверное телепортировался, как Альгар. Хотя нет, дар открывать порталы доступен только диорам, эльтары им не обладают. Ну, тогда остаётся тайный коридор, как тот, по которому я перемещалась памятным утром. Воспоминание вызвало тупую боль в сердце, и я постаралась переключиться на насущные проблемы. Ректор заговорил первым:

– Итак, Лилея ди Эджелина Орсано, адептка второго курса, вы желаете поступить на направление «Придворная магия», но сфера показала довольно необычный цвет. Как я понял, сперва это был жёлтый, а после, когда вы разволновались, он сменился на фиолетовый?

– Всё верно, господин ректор.

– Насколько сильны были ваши эмоции? Что это было – злость, возмущение, недовольство?

– Скорее, сильное разочарование и злость, господин ректор.

– Весьма необычно.

– Что вы предполагаете? – обратился к ректору ван Дорг.

– Сильные эмоции лично у этой девушки провоцируют всплеск магического дара – хаотичные неконтролируемые потоки магии. В спокойном состоянии – слабый дар, в эмоционально возбуждённом – сильный.

– А что означает этот цвет? – вмешалась я в разговор.

Ректор недовольно взглянул на меня, но всё же ответил:

– Мне сложно это объяснить. Тестирование магического дара на сфере регламентируется определёнными нормами, а у вас сразу два отклонения, в основе которых, я полагаю, – эмоциональный фон: вы разволновались – и ваш дар почему-то усилился. Такой случай – первый в моей практике, а опыт у меня, поверьте, большой. Обычно эмоции на дар не влияют. Маги ведь не обычные люди, дар заложен в нас в строго определённой форме, мы можем совершенствовать и тренировать его, научиться направлять в необходимое русло, но усилить в прямом понимании этого слова не можем. Нельзя сделать жёлтый голубым, а голубой – красным. Я могу предположить, что всё дело в вашем происхождении, в том, что вы маг только наполовину. Как известно, у обычных людей эмоции определяют очень многое, они даже могут придать объекту дополнительные силы. Что касается цвета, то это может быть что-то промежуточное между голубым и красным, и я склоняюсь к этому варианту. У меня появилась мысль, что, испытай вы ещё более сильные эмоции, сфера

окрасилась бы в красный цвет, но это только предположения. Пока что из общего числа протестированных адептов красный цвет не наблюдался ни у кого – это слишком редкое явление. Вы, соответственно, единственная адептка с фиолетовым цветом. Я знал нескольких магов-полукровок, на которых сфера реагировала, окрашиваясь в голубой цвет, но ни одного – с красным даром. Данный случай достоин рассмотрения, и мы определим вас на выбранное направление, а как быть дальше – покажут тесты. Всего хорошего, адептка ди Орсано.

Вот так состоялось моё зачисление на придворную магию. Впереди ожидали полгода подготовки, а затем – новые испытания, в результате которых часть из нас отсеется естественным путём. Мила была в восторге:

– Вместе учиться будем! Красота! Нас, наверное, поселят вдвоём, комнаты-то в общежитии двухместные. В этом году набор большой, говорят оттого, что статус университета изменился. Сам король обратил на него своё внимание, а значит, скоро это будет престижное учебное заведение. Ходят слухи о реформе всей системы образования.

– Значит, теперь в учебном корпусе будет не хватать комнат?

– Здесь всё переоборудуют: комнаты отдадут под мастерские, под лаборатории и хранилища инвентаря, что-то перестроят под аудитории. Для нас откроют старое общежитие. С этой целью сюда завтра съедутся маги-строители и всё там подлатают. Это общежитие уже лет семь как стоит полупустое. На верхних этажах, наверное, жить невозможно. Там первый этаж жилой, а всего этажей пять!

– Да, строителям придётся потрудиться.

– Им неделю дали на наведение порядка. На это время первокурсникам предоставлен отпуск, а мы поживём пока в старых комнатах.

Да, живя с Милой, я точно не буду страдать от недостатка информации. Откуда она только всё узнаёт? Я уже хотела спросить её об этом, но махнула рукой. Какая, собственно, разница, просто девушка очень общительна. Пока я размышляла, подруга попрощалась и упорхнула к своему милому Леру – делиться радостными новостями. Мне казалось, их отношения становятся серьёзнее день ото дня.

Итак, впереди неделя свободного времени, пожалуй стоит почитать кое-что из теории, всё равно делать пока нечего. Наверное, посмотрю что-нибудь по магической иерархии. На придворной магии нас точно будут учить дворцовому этикету, а также всему, что пригодится при дворе. Я была намерена из кожи вон лезть, чтобы остаться на направлении, дар ведь не подвёл. Порывшись в старых тетрадках, вытащила потрепанную брошюрку, купленную ещё летом в городской лавке, на которой было написано «Магическая иерархия», и приступила к чтению:

«Королевство Небесного света, образованное светлейшим королём Зигмундом Венценосным, зиждется на соблюдении законов магической иерархии. Только благодаря неукоснительному следованию «золотым правилам», магия будет процветать, даря мир и благосостояние жителям королевства. Каждый житель должен помнить, что его святой обязанностью является укрепление магического дара. Маги должны стремиться к чистоте крови, дабы дар усиливался и наследовался по прямой линии, передаваясь от родителей-магов их потомкам. Простым жителям дан наказ во всём помогать своим благодетелям – магам, служить им опорой и поддержкой во всех делах. Да будет так!

Зигмунд Венценосный. 325 г. от образования Королевства Небесного света, сокр. Небесного королевства.

Магическая иерархия (от низшего к высшему):

- беднота в городах и сёлах, не обладающая магическим даром, имеет исключительно прозвища, присвоение личного имени карается законом;
- сельские жители, не обладающие магическим даром, имеют личное имя без имени рода. Для различия к имени личному добавляются прозвища, обозначающие профессию;
- у детей, рождённых вне брака и не признанных своим отцом, к имени личному прибавляется имя матери с приставкой «ди» (диррен – дочь) или «сан» (саннум – сын);
- богатые люди да средний класс, кому не дано магического дара, носят фамилию без приставки;
- маги-отшельники не имеют имён (дабы не наслали на них проклятие), живут по лесам да пещерам и величаются господами магами-отшельниками.

Аристократия:

- управленцы в мелких да средних городах, слабые маги, полукровки, признанные их отцами и носящие имя рода, ответственны за исполнение законов да совершают работу по найму на благо государства, после имени личного перед именем рода добавляют себе приставку «ван»;
- управленцы в больших городах – маги в седьмом поколении, оттого обладающие даром сильным, в имени своём имеют приставку «линг»;
- в столице закон соблюдающие да по найму работающие сильные маги в седьмом поколении имеют приставку «тер»;
- издающие законы маги в десятом поколении – эльтары – к имени своему добавляют приставку «эль»;
- военные маги используют приставку «вик»;
- выше всех в магической иерархии диоры, в чьих жилах течёт кровь королевская, которые только королю подчиняются да перед ним за деяния свои ответственны, составляют они силу и опору королевской власти, пред именем рода добавляют приставку «дар»;
- правит королевством король единый, и слово его нерушимо. Обращаться к нему надобно «Ваше Всесветлейшество». Отпрыски короля именуются высокосицельствами».

Всё это я знала и раньше. В былые времена было чёткое разделение между магами и немагами, да и сейчас мало что изменилось. Маги до сих пор дорожат чистотой крови, а диоры остаются неприкосновенными. Хорошо хоть запрет упразднили – и маги могут жениться на обычных женщинах, получив согласие своего рода, а магини – выходить замуж за обычных мужчин, но только нужно твёрдо решить, что согласна лишиться магии последующие поколения. А какая мать пожелает, чтобы при наличии у неё дара ребёнок родился обычным человеком? Бывают, конечно, и исключения. Случай, когда в обычной семье рождается ребёнок-маг, редки, но тут свою роль играет удача. Возможно, далёкий предок имел дар, но чистота крови не соблюдалась – и дар был утерян, а спустя поколения возродился вновь.

Дальше в брошюре шло более подробное описание каждой ветви иерархии. Меня заинтересовали, конечно, диоры. Из написанного я узнала, что их очень мало – во всём королевстве насчитывается двадцать семейств. В жены берут, соответственно, диорку. Они там уже все родственники, наверное? Хотя нет! За этим, оказывается, строго следят. Как же иначе! Если не вливать новую магическую кровь, то дар не будет совершенствоваться, не будут проявляться его новые стороны. У них разработана целая система, даже статус установили – официальная любовница. Значит, жена ведёт хозяйство, рождает наследников

имущества и имени рода, а официальная любовница – женщина для души и тела. Вот только стать ею может лишь представительница сильного магического рода, например из семейств тех же военных или эльтаров. В любовницы берут только с одобрения короля. Тут написано, что, «если диор желает от любовницы ребёнка, она обязана иметь кристально чистую родословную, чтобы сберечь драгоценные магические силы, наделяющие будущего ребёнка „красным“ даром». Вообще, бывали случаи, когда у диора рождались сыновья от жены и от любовницы, но детей никогда не бывало много, для их рождения нужно было пройти специальный обряд единения. Он был установлен то ли сильнейшим магом древности, то ли самим королём-родоначальником, а изобрели его опять же для усиления королевской власти, регулирования чистоты крови и передачи уникальных способностей ограниченному числу магов. Церемония была сложной, не все женщины решались её пройти. В брошюре указывалось, что в некоторых случаях избранницы гибли во время проведения обряда. Ужас какой! Как у этих диоров всё дико! Этот маг был сумасшедшим! Так, читаем дальше. Значит, если рождалось несколько сыновей, то «главой рода становился лишь ребёнок, обладающий даром телепортации». Уф, ну и система. Интересно, кто-нибудь хоть когда-нибудь нарушал правила, женился на обычной женщине? А, вот тут, ниже: «У диоров уровень дара – красный; если ребёнок рождался от обычной женщины с аналогичным даром, прошедшей обряд, магические способности передавались по наследству, но дар телепортации утрачивался навсегда. Особенность дара также в том, что передаётся он исключительно по мужской линии. Смещение кровей диора и обычной женщины ведёт к утрате свойств королевской крови. Способность открывать порталы может перейти к сыну, если у диора и его избранницы, наследницы диорской крови, стабильный красный дар».

Ну вот, я узнала всё, что хотела, и опять тоскливо стало на душе. Не хотелось признаваться самой себе, но я ужасно скучала по Альтару. Я хотела его увидеть, хотя он ясно дал понять, что единственная ночь – это всё, на что я могу рассчитывать. Когда же я всё-таки выброшу его из головы? Стук в дверь прервал мои терзания, и, выглянув наружу, я увидела молодого мага.

– Лиля ди Эджелина Орсано?

– Это я.

Парень не добавил «адептка», а значит, не преподаватель.

– Моё имя Окенелло ван Хольстейн, я староста направления «Придворная магия». Завтра состоится общий сбор группы, собираемся в холле в восемь утра, не опаздывать!

С этими словами новый староста, имя которого я уже, кажется, забыла, отвернулся и пошёл дальше по коридору. Его появление убедило меня в том, что сегодня следует лечь пораньше. Когда я собралась уютно устроиться под одеялом, в дверь снова постучали – это оказалась Мила.

– Как тебе наш новый староста? – спросила она меня.

– Это который Окелло?

– Окенелло, Лея.

– По-моему, имя у него труднопроизносимое.

– Ага. Ну так как он тебе? Девчонки говорят, симпатичный.

– Когда ты успела с девчонками пообщаться, ты же всё время с Лером была?

– Да нет, не всё время, мы полчаса назад расстались, у него завтра тоже сбор группы.

– Понятно, за полчаса ты успела пообщаться со всеми девчонками с нашего направления?

– Я же не такая бука, как ты. Что делаешь?

– Спать собираюсь, завтра ранний сбор. Тебе тоже не мешало бы лечь пораньше.

– Ага, лягу. Только заскочу к одной знакомой на минутку.

Ну да, а по дороге ещё к половине учащихся университета. Я просто поражалась общительности Милы. Как ей удаётся так легко ладить с людьми? Я, по сравнению с ней, и правда бука, слишком замкнута в себе, но характер, как говорится, не изменишь. С такими мыслями я легла спать, чтобы завтра подготовиться к новому этапу в своей жизни.

Глава 4.

Учёба

Полгода пролетели незаметно. Для всех обучающихся на придворной магии наступил переломный момент. Те, кто не пройдёт тестирование, вскоре покинут направление, остальные продолжат обучение, и если раньше нас нагружали теорией, то потом наступит пора практики.

Чему только не обучали за эти полгода: теория магии, плетение магических заклинаний, магическое стихосложение, придворные танцы и музицирование, дворцовый этикет, заклинания боевых ударов, физическая подготовка. Полный список предметов я могла бы озвучивать целый день. К тестированию нас, кстати, тоже готовили – примерно по два часа в день: мы практиковали разные заклинания, учась контролировать свою силу и направлять её в необходимое русло, выполняли массу физических упражнений, закаляли силу удара на фантомах. По вечерам мы расползались по своим комнатам, выжатые как лимон, с каждого по семь потов сходило за тренировку, и это при том, что большую часть дня мы зубрили теорию, от которой голова раскалывалась. Но всё же, несмотря на собственную усталость, я по возвращении в общежитие не падала неподвижным бревном на кровать, как моя подруга – а теперь и соседка по комнате – Мила, а вместо этого упорно повторяла всё, что прошла за день. Каждое утро, вставая раньше сигнала подъёма, снова и снова закрепляла пройденный материал. Выходные и свободное время я проводила в тренировочных залах, отрабатывая удары.

Наконец наступил день тестирования. Я ужасно нервничала, даже Мила казалась менее жизнерадостной, чем обычно. Я пыталась прокрутить в голове все заклинания, которые знала, непроизвольно проговаривая их вслух.

– Лелька, хватит бубнить. И так волнуюсь, а ты ещё на совесть давишь. Я ведь и наполовину так не подготовилась к этому тестированию, как ты.

– Ты везучая, Мила, а мне в свою удачу нужно зубами вцепиться, чтобы она не упорхнула.

– Ну, не всё так плохо. Ты ведь на направлении единственная с фиолетовым даром, у остальных только голубой.

– Только никто не знает, что означает этот фиолетовый дар.

– А ты думай, что это самый сильный, выше красного.

– Хорошо, буду так думать, хотя выше красного не бывает.

– Идём, да помогут нам святые небеса.

Тестирование проходило в два этапа: на первом этапе сдавалась теория, на втором – владение магическим даром. Сперва мы шли к аудиториям, а затем – к тренировочным залам, где находились фантомы. Я решила, что пойду первой. Лучше раньше всех сдать, чем стоять и трястись от волнения, ещё позабуду всё от страха. Зайдя в аудиторию, я прошла к профессорскому столу, за которым сидел преподаватель ван Дорг. Пожалуй, мне повезло: в другой принимал теорию по дворцовому этикету сам ректор.

– Добрый день, адептка ди Орсано.

– Добрый день, профессор ван Дорг.

– При тестировании на придворную магию времени на подготовку не даётся. Отвечаете

сразу, при молчании дольше двух минут ответ не засчитается. Итак, задача для вас. Вы оказались на королевском приёме и, будучи придворным магом, обязаны находиться поблизости от своего повелителя. Тут в зал заходит свита монаршей особы из иностранного государства, ваш непосредственный начальник даёт вам указание развлекать посла на протяжении всего приёма. Ваши действия?

Ответ сам возник в голове:

– Мой начальник не мог бы поручить подобного задания, ибо иностранный посол занимает более высокий ранг, чем придворный маг, а потому находиться с ним рядом дозволено лишь человеку, равному ему по положению.

– И этот человек...?

– Один из приближенных к королю эльтаров.

– Очень хорошо, адептка. Следующий вопрос...

Ван Дорг задал мне столько вопросов за отведённые на теорию семь минут, что голова закружилась.

Следующей по списку шла теория магической иерархии, а после меня ждал переход в другую аудиторию и вновь вопросы – теперь уже по теории взаимоотношений между магическими родами. И так до самого обеда! Потом был небольшой перерыв на еду, получасовой отдых и следом – практика.

Адепты, сдавшие теорию, нестройной толпой хлынули к тренировочным залам. Я заметила, что их количество сократилось почти вдвое. Поделив на три группы, нас отправили по трём залам. В первом ожидал сам ректор. Сперва шли простые задания – вроде блокировки магического удара, постепенно сложность возрастала. Например, нужно было, удерживая магический щит, одновременно выстрелить во врага заклинанием заморозки и обездвижить его. Все эти приёмы я отработывала неоднократно. Не скажу, чтобы получались они по высшему разряду, но вполне сносно. Были у меня и слабые места. Например, я не могла накинуть на атакующего мага аркан, точнее могла, но удавалось это от случая к случаю. Ну сложно мне было ухватить движущуюся мишень, никогда я не блистала особой меткостью. Однако же по закону, выведенному ещё магом Мёрфиусом (был такой несчастный маг, которому вечно «везло» на всякие неприятности, происходившие в самый неподходящий момент), в качестве одного из последних практических заданий мне выпал аркан. Я встала в стойку, ожидая нападения фантома, руки дрожали, колени тряслись, сердце из грудной клетки переместилось ближе к горлу. Фантом начал стремительное движение, и на волне чистейшего адреналина я бросила в него арканом. Не красиво раскрутила магическую петлю, чтобы накинуть на шею, а именно швырнула заклинание не глядя. Очевидно, удача, улыбающаяся мне крайне редко, выбрала именно этот момент для своего триумфального появления, иначе и не объяснить такое меткое попадание. Фантом вскинул руку, словно блокируя мой бросок (за правдоподобностью поведения фантомов и сходством с реальными магами следил сам ректор), аркан за неё зацепился, скользнул на шею, плечи, сполз ниже, и я наконец сообразила натянуть призрачную верёвку, уронив полупрозрачного мага на пол.

– Адептка ди Орсано, весьма необычное исполнение заклинания. Конечный результат достигнут, пройдите в конец зала к группе сдавших адептов, – сказал мне глава университета.

На трясущихся ногах прошествовала в конец зала, не веря в собственную удачу и в то, что все испытания позади. Огляделась вокруг, скользнув взглядом по лицам своих соадептов,

не нашла среди них Милу и вновь – уже пристальнее – всмотрелась в измочаленных учеников. Точно – Милы нет. Оглянувшись на досадающих практику, я увидела, что подруги не было и в их рядах. Значит, не прошла, по-другому и быть не может. Я ужасно огорчилась, хотя и понимала, что сама сдала каким-то чудом. Удивительно, что магических сил хватило. Если верить ректору, это моё сильное волнение сыграло на руку, временно повысив уровень дара. Всё же жаль, что Милы нет. Как только нас отпустят, сразу отыщу её.

Определив последнего адепта в нашу группу, ставшую уже малочисленной (всего осталось пятнадцать человек), ректор обратился с речью:

– Адепты, поздравляю всех, кто справился с заданиями и прошёл. Впереди долгое обучение. Вы второй курс, и поскольку пропустили многие предметы, что преподаются на придворной магии в первый год, то изучить весь материал придётся в сжатые сроки. Контроль знаний проводится ежегодно, в том же порядке, что и сегодня. Единственное отличие – в наличии дополнительной попытки и чуть большем времени на подготовку к теоретической части. Курировать вас буду лично я. А теперь отдыхайте, господа, желаю удачи, и до встречи на занятиях в понедельник.

Едва получив разрешение уйти, я бросилась к Миле. Она оказалась в комнате не одна, а вместе с Лером.

– Лея, заходи! – крикнула подруга, втащив меня внутрь. – Прошла?

– Прошла! – выдохнула я.

– Ты молодец, я за тебя рада!

– Мила, а как же ты?

– Да на теории засыпалась. Этот ван Дорг спросил меня, сколько времени длится поклон королю. Пока думала, две минуты истекли. А у меня – понимаешь? – ответ в голове крутится, да только мысль ухватить не могу. Он мне говорит: «Адептка ван Савэс, время прошло». А я возьми да и ляпни: «Поклон королю длится минуте». Ну он и отправил меня. Сказал, что позорно не знать таких простейших вещей. Так и заявил: «Позор, адептка! Позорно не знать, что поклон вашему королю длится ровно до тех пор, пока вам не разрешат выпрямиться». Разве это всё упомнишь? Я же не сталкиваюсь каждый день с королём в коридоре.

– Понятно, – кивнула я.

– Ну вот, я и пошла в комнату, а тут Лер сидит. Успокоил меня. Я сначала расстроилась, что родителей огорчу, они ведь так мной гордились, а Лер верно сказал: придворная магия – это не моё. Моё призвание в другом: творить красоту. Пойду на магический визажизм, буду делать людей красивыми. Что думаешь?

Что думать, я и сама не знала, но одобрила выбор подруги. Не буду же говорить, что на её месте рыдала бы в подушку и рвала на себе волосы. Но то я, я ведь с самого начала мечтала сюда поступить, сделала для этого всё, что было в моих силах, а у Милы иное отношение. Её и ругать никто не будет, так, погрустят немного – всё же единственная дочка, свет в окошке. Меня вот хвалить да ругать некому.

– Ты, Лелька, конечно, молодец, что справилась, – сказал Лер.

– Да она дни и ночи за подготовкой проводила. Я даже не помню, чтобы её спящей видела, – вмешалась Мила. – Если бы она не сдала, то я не знаю, кто бы вообще у них на направлении остался. Одного не пойму: почему ты так желаешь туда попасть? Весь этот этикет, завышенные требования к искусству владения даром – кошмар какой-то! Конечно, жалованье у этих магов высокое, опять же – престижно и работа при дворе, но вот те же

визажисты неплохо зарабатывают, зато требований намного меньше.

Я подумала: «Как бы ответить, чтобы не соврать?»

– Ты правильно говоришь, Мила, но у меня есть цель. Хочу доказать тем, кто меня недооценивает, что я способна на большее. Если справлюсь, будет чем гордиться. Придворный маг занимает высокое положение, ему никто не укажет на незнатное происхождение.

Я увидела, как после моих слов Мила с Лером переглянулись. Лериан тактично заметил:

– Лея, при дворе иерархия соблюдается даже жёстче, чем здесь, у нас.

– Да это ещё мягко сказано! – вмешалась подруга. – Там такой гадюшник! Сплошные кобры! Все эти интриги, закулисная борьба! Цапнут – и глазом моргнуть не успеешь, ты же у нас девушка нежная, наивная. А если тебя некое вышестоящее лицо, скажем, пожелает... ммм, ну, ты понимаешь? Ты к королю жаловаться побежишь или парой заклинаний в него кинешь? Как в такой ситуации действовать?

– Мила, ну что ты говоришь?

– А что? Ты девушка симпатичная и обаятельная. Тебя когда принарядишь – просто чудесно выглядишь. Лер, верно говорю?

– Верно.

– Будешь при дворе белой вороной – вся такая нежная и чистая. Наверняка найдутся желающие тебя... эээ, ну ты поняла.

– Послушай, даже если возникнет ситуация, которую ты описала, то я что-нибудь придумаю и обязательно справлюсь. Я ведь не беспомощная.

– То-то и оно, что нет. Не беспомощная, не глупая, но наивная.

Я промолчала. Лер посмотрел на моё огорчённое лицо и сказал:

– Ладно, Мила, не стоит её расстраивать. Это выбор Леи, и она сегодня заслужила небольшой праздник, давай не будем портить его подобными разговорами.

Я была очень благодарна парню за своевременное вмешательство. Одной из отрицательных черт моей подруги была невозможность вовремя остановиться, если тема цепляла её за живое. В общем, дальше мы приступили к празднованию моего успеха, нового выбора Милы, а потом... пошло – поехало.

На следующий день я проснулась лежащей поперёк своей кровати, как была одетая, со свинцовой головой, не в состоянии даже пальцем пошевелить. В горле пересохло, и я попыталась прокашляться. Со стороны второй кровати раздался стон. Я с трудом повернула голову, чтобы обнаружить соседку, спящую, как и я, в одежде. Рядом, на коврике, оказался дремлющий Лер. Дааа, славное вышло празднование. Замечательно всё-таки сдавать экзамены перед выходными: есть два дня, чтобы прийти в себя перед занятиями.

Я кое-как сползла с кровати и, держась за стеночку, добралась до умывальни. Холодный душ из висящей под потолком бадьи быстро привёл в чувство. Одевшись и набрав в ладони немного воды, я подошла к кровати подруги и слегка побрызгала той на лицо. В ответ на попытку растормошить Милу узнала от неё, куда мне следует отправиться и каким маршрутом. После девушка добавила, что таких жестоких соседок, которые встают ни свет ни заря и мешают спать другим, следует отправлять в ссылку. Я взглянула на часы – они показывали без пяти минут полдень. Необходимо было подготовиться к понедельнику: получить книги, новую форму, кое-какой инвентарь, да и еду никто не отменял. Оставив подругу в компании Лера – приходит в себя, отправилась по делам. Справилась я со всем

довольно быстро, а поесть решила в обществе моих несчастных друзей-собутыльников. В комнате я обнаружила парочку в уже вполне вменяемом состоянии. Мила предложила пойти не в столовую, а в харчевню в городе, Лер с энтузиазмом её поддержал.

Выйдя из университетских ворот и получив разрешение от привратника на возвращение строго до десяти часов вечера, мы занялись поисками подходящей харчевни. Таковая обнаружилась недалеко от университета, в весьма живописном переулке, где старые дома соседствовали с новыми постройками, возведёнными при нашем короле. Вывеска заведения оказалась довольно привлекательной. Внутри харчевня была отделана светлыми дубовыми досками; вдоль стен, возле больших окон, впуская яркий солнечный свет, стояли широкие дубовые столы со скамьями. Я прикинула, сколько здесь может стоять обед, но Лер предупредил, что сегодня он угощает дам. Сделав заказ, мы сели ждать.

Я огляделась. Людей вокруг было немного: парочка магов, очевидно с городской ратуши (у них были приметные значки на плащах), три горожанина, двое студентов из нашего университета, которых легко было опознать по цвету формы и символике, вышитой на груди, а также один селянин, с аппетитом уминавший за обе румяные щёки свой обед (наверное, домой возвращается с городской ярмарки, распродав весь товар, и теперь отмечает выручку).

В тот момент, когда подали еду и мы собирались насладиться пищей, входная дверь снова отворилась, пропуская троих парней. Среди них я, к собственному неудовольствию, узнала Окенелло, нашего зазнайку-старосту, точнее бывшего старосту. Он вчера также выбыл, провалившись на практике: не справился с заклинанием усиления магического щита при увеличении сил противника. Мне это заклинание не попало, и я была весьма тому рада. Блондинистый сноб обвёл взглядом харчевню и заметил нас. Его лицо скривилось, как только взор упал на меня. Я внутренне напряглась и приготовилась к скандалу, который тотчас и разразился.

– Так-так, а кто тут у нас? Одна тощая плебейка обедает со своими друзьями. У самой-то средств не хватит даже на такую забегаловку, как эта, верно я говорю, Лелька-недоделка?

Меня от его оскорбления бросило в жар. Ещё не придумав, что ответить на выпад мерзкого адептишки, я увидела, как поднимается Лер. Этого ещё не хватало! Сейчас из-за меня начнутся неприятности у обоих друзей. Мила уже подскочила к любимому, пристроившись за его широким плечом.

– Ты, Окинелло, совсем одурел от зависти? Зовёшь её плебейкой, а сам тестирование не прошёл, хоть и чистокровный маг, теперь вот жаба давит? – сказал Лер.

Я увидела, что руки Окелло (как я окрестила нелюбимого старосту) сжались в кулаки.

– Кто тут твякает? Лериан Энтеро, маг из семьи обычных людей. Ты бы молчал, мальчишка! Думаешь, если богатенькие родители мага-сыночка на руках носят, то и все вокруг ему обязаны? А сам-то уверен, что магия по наследству от далёкого предка досталась? Может, матушка с кем спелась, пока отец в отъезде был?

Подобного оскорбления я вынести не могла. Понятно, что Окелло меня терпеть не мог (скорее всего, по причине собственного снобизма): какая-то девчонка, полумаг, безотцовщина – а полезла на самое престижное направление во всём королевстве. Мало того, на этом направлении я оказалась на высоте, а он позорно провалился. Только мне к таким подначкам было не привыкать, а за друзей обидно. Лериан – замечательный парень, а его чудесные родители души друг в друге не чают. Этого я мерзавцу не спущу!

Увидев, как налились краской щёки подруги, как группируется Лер, чтобы дать отпор, я, не раздумывая, кинула в Окелло заклинанием серебристой молнии, усиленным моими

переживаниями. После раскаялась в собственной порывистости, которая частенько меня подводила. Жаль, я пока не научилась бороться с этой чертой характера. Не позволив другу самому решить, как постоять за себя и защитить свою честь, я кинулась на его обидчика.

Молнию Окелло пропустил, не ожидая подобного подвоха от меня. Она врезалась ему прямо грудную клетку, подпалив плащ и отправив бывшего старосту в бессознательное состояние. Серебристая, в отличие от синей, отбирала лишь сознание, а не жизнь, значит, Окелло скоро придёт в себя. Его друзья-товарищи от обиды за своего лидера стали палить в нас первыми пришедшими на ум заклинаниями. Лер, успев сориентироваться, повалил нас с Милой за скамью за мгновение до того, как одно из заклинаний разнесло стол в щепки. Меткостью друзья Окелло не отличались – они стреляли магией направо и налево, особо не прицеливаясь. В зоне разрушений оказались скамья, на которой сидели маги из ратуши, отчего оба упали на пол, деревянная стойка и даже столб посреди харчевни, подпиравший крышу. Столб загорелся, и огонь, пожалуй, добрался бы до крыши, если бы взрослые маги не сориентировались и вовремя не погасили пламя. Они же блокировали щитами заклинания и мальчишек-адептов. Помещение сразу наполнилось дымом, послышался визг. Я даже не сразу сообразила, откуда он доносится, но после поняла – кричал дородный крестьянин, попавший с праздника жизни в центр магических разборок. Хозяин, поспешно скрывшийся за дверью кухни, отправил магического вестника в университет. Спустя какие-то пять минут, пока маги пытались навести в харчевне порядок, из университета явился сам преподаватель Рего, заведующий учебной частью, в обязанности которого входил «отлов» шалопаев-адептов в городских заведениях. «Вот попали!» – мелькнула мысль, когда в проёме снесённой ударной волной двери, среди дыма, пронизанного солнечными лучами, появилась высокая и могучая фигура безжалостного карателя всех адептов – нарушителей городского спокойствия.

Одним эффектным заклинанием очистив помещение от дыма и вернув нам возможность лицезреть учинённый беспорядок, господин Рего рявкнул на всю харчевню:

– Кто зачинщик?

Не давая Леру или Миле возможности принять вину на себя, я выползла из-за скамьи и пропищала: «Я, господин Рего».

– Адептка Лилея ди Эджелина Орсано! Да как вы могли? Вы ученица направления «Придворная магия»!

При этих словах маги из ратуши удивлённо переглянулись, посмотрев на меня с уважением.

– Вы понимаете, что совершение беспорядков в городе и нанесение вреда имуществу почтенного горожанина влекут за собой серьёзные наказания, вплоть до отчисления с выбранного вами направления?

Я повинно опустила голову, заметив, каким торжеством загорелись глаза уже очнувшегося и восседающего на полу Окелло. Так бы и придушила мерзкого бородавочника.

– Ваше счастье, адептка ди Орсано, что количество учеников, прошедших отбор на направление, очень мало. Мы не можем размениваться ни одним начинающим магом, неизвестно, сколько вас дойдёт до конца курса, однако заслуженное наказание вы понесёте. Подойдите и протяните руку – я считаю события, повлёкшие за собой разрушения в этой многострадальной харчевне.

Я со вздохом подошла к господину Рего и протянула ему руку. Коснувшись моей кисти, преподаватель на мгновение прикрыл глаза. Лёгкий разряд пробежал по телу, и Рего, поднимая

голову, мрачно осмотрел нас. За его спиной я заметила движение: дружки Окелло медленно пробирались к дверному проёму.

– Стоять! – прогремел на всю харчевню голос преподавателя. Я, находившаяся к нему ближе всех, даже подпрыгнула от неожиданности.

– Куда подались, господа адепты?

– Мы просто воздуха глотнуть, – замялись неудачливые беглецы.

– Властью начальника университетского отделения по контролю над неуставной магией адептов, принёсшей разрушения и ущерб мирным горожанам (это сколько уже студентов учинило разрушения в городе, раз создали целое отделение?!), от имени ректора нашего заведения определяю вам наказания. Адептка ди Орсано и адепты ван Корко и ван Шолль, прибегшие к использованию заклинаний, причинивших вред собственности господина владельца харчевни, понесут наказание, коим послужит приведение харчевни в порядок и возмещение материального вреда. Адепты ван Савэс, ван Хольстейн и Энтеро обязуются покрыть моральный ущерб, понесённый почтенным господином владельцем харчевни и безвинно пострадавшими посетителями сего заведения. Иными словами, с этого дня, господа адепты, в свободное от занятий время в течение всего месяца вы будете заниматься уборкой данного заведения. Господа ван Корко и ван Шолль должны восстановить уничтоженные дверь и предметы мебели. На вас, ди Орсано и ван Савэс, уборка за клиентами. Ван Хольстейн и Энтеро будут мыть посуду. Думаю, это отучит вас, господа, бросаться друг в друга опасными заклинаниями или оскорблять товарищей по учёбе. Умейте отвечать за свои деяния! Всего доброго.

Ван Рего повернулся и гордо удалился, а мы остались. Вот так пообедали, ничего не скажешь!

– Я предлагаю вам, как первым применившим магию, отработать повинность самим, – прогнусавил Окелло.

– Ты не в курсе, Окенелло, – ответил Лер, – что решения ван Рего не обсуждаются? Ни ты, ни я не сможем обойти их или нарушить. Раз он сказал отрабатывать, то придётся отрабатывать. Единственное, что мы можем, – это разделить повинность пополам: полмесяца – вы трое, полмесяца – мы.

– Чтобы я чинил мебель или мыл посуду за посетителями какой-то харчевни?! – взвыл Окелло.

– Тогда будем работать вместе, – рассудительно заметила Мила.

– Работать с вами и вон с той? – указав на меня, надменно вымолвил Окелло.

– Может, тогда предложишь свой вариант? – не удержалась я.

– Да лучше я полмесяца полы подметать буду, чем месяц здесь с вами горбатиться! Всё, парни, идём отсюда, не могу больше видеть этих простолюдинов!

Как всегда, Окелло хватил через край. Из нас троих мы с Лером действительно не относились к аристократии, но семья Милы отличалась благородным происхождением, сама же девушка была магом в четвёртом поколении. Однако я не успела высказать своё возмущение, так как бывший староста с дружками уже исчез за дверным проёмом, а нам пришлось приниматься за наведение порядка в заведении. Всё же мерзопакостный гад, но и я хороша: подставила друзей под удар.

С понедельника начались мои ученические будни, перемежаемые ежевечерней отработкой в харчевне. Около двенадцати ночи мы с Милой добирались до своих постелей и засыпали, едва касались головой подушки. Умница Лер добросовестно строгал новую

дверь, оставив столы и стойку Корко и Шоллю. Мне приходилось ужасно тяжело! Мила лишь изучала теорию на своём новом направлении визажистской магии, а я, помимо изматывающей практики, корпела над учебниками и пыталась усвоить не только новые заклинания, но и все нюансы дворцового этикета, преподававшегося теперь в мельчайших подробностях. Магическая иерархия изучалась нами не менее досконально. Приходилось зазубривать имена всех членов известных магических родов, потрудившихся на благо королевства, а также всех сиятельных особ, занимающих видные посты при нынешнем короле. По вечерам мне уже не удавалось повторять материал, как раньше, но я полагалась на то, что сделаю это после окончания отработки. Время летело быстро, и наконец с тяжёлой повинностью было покончено. Для меня две недели тянулись как два месяца – так сильно я устала от работы, совмещённой с учёбой, и от постоянного недосыпа. Снова появились свободные часы по вечерам, и я стала пропадать в библиотеке и тренировочных залах. Мила приступила к практическим занятиям на основе уже пройденной теории. Она постоянно пыталась сотворить нечто красивое, но жаловалась, что над собой такие эксперименты не удаются и ей позарез необходима модель для практических занятий. Совет потренироваться на фантомах её не устроил: якобы фантомы предназначены для боевых заклинаний, а не для создания прекраснейшего образа. Пришлось, скрепя сердце, согласиться на её уговоры и послужить подопытным кроликом.

Многие эксперименты новоиспечённого мага-визажиста заканчивались весьма плачевно. Самым первым испытанием для моей выдержки стало заклинание роста волос. В тот вечер подруга прилетела с занятий, щебеча о новом потрясающем заклинании для получения роскошнейших волос, и уговорила меня спокойно посидеть минут пять, пока не произнесёт формулу. Мила уверяла, что я буду в полном восторге. Длинные волосы я никогда не любила: слишком много суеты и хлопот, а потому носила причёску чуть выше лопаток, но подруга заверила, что заклинание действует только один день. Я послушно присела на стул, подставив свою не слишком богатую шевелюру под руки неопытной визажистки. Мила начала торжественно произносить заклинание. Я почувствовала подвох только тогда, когда подруга в какой-то момент запнулась, а после быстро протараторила магические слова до конца.

– Лея, сработало! – радостно закричала Мила. – Они растут, ура!

Я подскочила к зеркалу. Волосы и правда росли, становились гуще и объёмнее, приобретали блеск. Я даже залюбовалась. Когда они опустились ниже лопаток, я попросила Милу остановить заклинание. Подруга согласилась и произнесла формулу остановки, но ничего не произошло. Я тихо запаниковала.

– Мила, они всё ещё растут.

Девушка растерянно посмотрела на меня, я – на неё, она – снова на меня, потом, не выдержав этого обмена взглядами, я крикнула:

– Мила!

– Лея, я правда не знаю, почему заклинание не срабатывает.

– Ну сделай что-нибудь, они скоро будут у меня заместо плаща.

Мила схватила со стола ножницы и набросилась на выросшую до талии шевелюру. Инструмент соскальзывал с волос как с металлической проволоки, я от шока не могла и слова сказать. Подруга схватила меня за руку и потащила в коридор, а после, развив скорость хорошего вестника, проволочла по террасе, соединяющей общежитие и учебный корпус. В коридоре университета мы налетели на преподавателя моей визажистки,

господина ван Клэра. Этот достойный старичок, всегда выглядевший так, словно отправляется на королевский бал, был весьма ошарашен нашим неожиданным «нападением».

– Господин преподаватель ван Клэр, – затараторила Мила, – я произнесла формулу роста, а они теперь растут и не хотят останавливаться. Я уже и заклинание остановки читала несколько раз, а они всё растут...

– Что у вас растёт, адептка ван Савэс? – строго спросил старичок-маг.

– Вот, – ответила Мила, развернув меня спиной к преподавателю: мои волосы вились уже на уровне бёдер.

– Заклинание какое читали? – спросил ван Клэр.

– То, что вы нам сегодня на уроке преподавали.

– Правильно прочли с листа?

– Нет, я его наизусть выучила за урок, так и произнесла.

– Может, вы ошиблись? Прочтите мне сейчас.

Мила начала произносить заклинание, но без пассов руками, чтобы случайно не удлинить белую бороду преподавателя. Быстро закончив чтение, она с надеждой взглянула на достопочтимого старичка.

– Милая моя адептка, да вы же напутали! Вы только что изобрели совершенно новое заклинание, запнувшись в одном месте и произнеся вместо «лонг» слово «линг», а изменение одного слова может изменить всю формулу роста.

– Но я же... – начала Мила, однако в этом месте уже я не выдержала и, подёргав почтенного мага за рукав белоснежной туники, взмолилась:

– Преподаватель ван Клэр, прошу вас, остановите их.

– Поворачивайтесь, ди Орсано.

Я развернулась спиной к преподавателю, он взмахнул руками, прочитал какое-то другое заклинание, не то, что произносила Мила, и довольно хмыкнул.

– Готово, адептки.

Я оглянулась, и волосы шелковым покрывалом колыхнулись вслед за движением головы. Схватив мягкую прядку, я стала внимательно её рассматривать. Прядка спокойно лежала в ладони и расти не думала. Я вздохнула с облегчением.

– Господин ван Клэр, не могли бы вы помочь мне укоротить волосы? Я не привыкла носить такие длинные, – сказала я, махнув рукой на собственную шевелюру, висевшую ниже бёдер на манер короткого плаща.

– Просто подрежьте их ножницами, адептка.

– Но ножницы их не берут – мы пробовали.

– Не берут? – заинтересовался ван Клэр.

– Да.

– Интересненько.

– Что делать, господин ван Клэр?

– Ну, пока, милые мои, ступайте к себе, отдыхайте, а завтра вы, адептка ван Савэс, подойдёте после занятия и подробно опишете сей феномен. Всего хорошего.

– Всего хорошего, преподаватель ван Клэр.

– Слышала, Лея? Всё будет хорошо. Ван Клэр нам обязательно поможет, он очень сильный и опытный маг, наверняка раз сто сталкивался с подобными случаями.

Оказалось, что преподаватель с подобными случаями не сталкивался. Они досконально

разобрали с Милой её заклинание, выявили причину и следствие, но вот способа решить проблему так и не нашли.

Подруга понуро приплелась в нашу комнату и, взглянув на меня, вооружённую щёткой для волос и ожесточённо дёргающую спутанные пряди, грустно сказала:

– Лелечка, прости меня. Я не смогу ничего исправить. Ван Клэр сказал, что при произнесении заклинаний красоты, кроме слов, важны ещё тональность, всевозможные запинки, паузы, не говоря уже об изменении слов, а я не смогла повторить то заклинание точь-в-точь как вчера. Не сердись на меня, пожалуйста. С одной стороны, даже хорошо: у тебя теперь потрясающе красивые волосы!

– Не спорю, они красивые, – зло ответила я. – Они, вообще, совсем как обычные волосы на ощупь, а ещё пачкаются, путаются, а вот обрезать или просто расчесать их я не могу, словно сделаны из стальной проволоки, но при этом в косу их не заплести, гребнем не заколоть – и они за всё цепляются.

– На ощупь, действительно, не скажешь, – произнесла Мила, потрогав мою шевелюру. – Такие шелковистые и мягкие, блестят и вьются немного. Если бы не минусы, о которых ты упомянула, я бы гордилась собой.

– Мне теперь всё время так ходить? Они длиннющие! С ними на тренировке сплошное неудобство, постоянно мешают! Я всю жизнь носила длину до плеч.

– Это с непривычки. Наловчишься немного – и научишься прекрасно с ними управляться, и в бою пригодятся.

– Это как? Придушу ими противника?

Мила не нашлась, что ответить, и сменила тему:

– Послушай, ну должны же они хотя бы в причёску укладываться, пусть и не обычными способами. Они же магические, значит, с помощью магии стоит попытаться. Я точно что-нибудь придумаю.

Я вздохнула, покоряясь судьбе: другого выбора не было.

Мила потратила уйму времени, ища что-то подходящее в библиотеке, замучила вопросами несчастного ван Клэра, который, не чая избавиться от надоедливой адепки, к концу недели из кожи вон вылез, чтобы заставить девушку максимально точно повторить первоначальное заклинание, и в конце концов всё же изобрёл магические слова, предназначенные персонально мне. Теперь волосы можно было помыть, расчесать и уложить в причёску, однако постричь их по-прежнему не удавалось. Всё же я вздохнула с облегчением: ужасно надоело ходить с вороньим гнездом на голове, которая, к слову, постоянно чесалась.

– Как жаль, – сказала как-то подруга, сооружая мне на голове причёску, – что я не запомнила первоначального принципа, а то могла бы изобрести заклинание красоты вечного порядка.

– Может, его не зря ещё не изобрели? Кто станет обращаться к визажистам, если красоту возможно будет получить навсегда?

– Ну да, ты права, – согласилась соседка.

В следующий раз Мила предложила мне улучшить состояние кожи. Против этого яничего не имела, так как кожа моя не отличалась ровным тоном и нежной гладкостью, какой славятся все красивые женщины. Вот только, помня прошлый опыт, я заставила подругу поклясться, что она вызубрила заклинание наизусть, а заодно поставила магическую запись, чтобы в точности воспроизвести первоначальный текст, если потребуется. Девушка

со всем согласилась, красиво взмахнула руками, нараспев произнесла магические слова и... выдохнула испуганное «ой».

– Что случилось? – выпалила я и, подбежав к зеркалу, в ужасе заголосила: «Мамочка, спасите!»

Моя кожа, теперь нежная и бархатистая, была салатового оттенка. Вне себя от ярости – что очень хорошо отражал цвет моего лица – я повернулась к Миле и клятвенно заверила её, что, если она не найдёт способ исправить положение, я начну испытывать на ней собственные боевые заклинания.

– Леюшка, идём к ван Клэру, – взмолилась подруга, хватая меня за руку и пытаюсь выволочь в коридор.

– Не раньше, чем я облачусь в защитный костюм, чтобы меня никто не увидел.

Несчастный преподаватель уже горько пожалел, что Милу отчислили с направления «Придворная магия». Он даже тактично намекнул, что каждый при дворе был бы рад воспользоваться способностями Милы, дабы насолить сопернику или сопернице. Что касается меня, то после просьбы ван Клэра дать ему неделю, чтобы проанализировать первоначальные слова и изобрести антизаклинание, я уже всерьёз подумывала податься в маги-отшельники. Ещё семь дней пришлось мне ходить по коридорам университета в защитном костюме и сетчатой маске для фехтования. Всем любопытствующим отвечала, что заразилась неизвестной болезнью, которая передаётся при взгляде на моё лицо. Желающих опровергнуть эту ложь не нашлось.

Через неделю ван Клэр, ставший самым любимым на свете мужчиной, изобрёл очередное персональное заклинание, благодаря которому моя кожа вернула прежний вид. Я готова была лечь у ног преподавателя благодарным пёсиком и сторожить его до конца дней. Не подозревая о моих покусительских планах на собственную персону, старичок миролюбиво попрощался с нами, напутствовав Милу больше не экспериментировать над своей подругой. Можно подумать, её этот наказ остановил! Уже через три дня она примчалась с очередным первоклассным заклинанием для обретения фигуры мечты. Я отказалась наотрез. Мила два дня пыталась меня уговорами, и пришлось согласиться, но только с условием, что перед испытанием подруга вызубрит заклинание на моих глазах, потом продемонстрирует на фантоме и только затем применит по назначению. Взввшись за дело с таким настроением, Мила испортила несколько фантомов в университете, но значительно улучшила собственные оценки, повысила мнение преподавателя о себе, обрела опыт и постепенно научилась снимать собственные чары.

Так пролетел второй курс, в конце которого я пропустила бал для выпускников, не желая бередить старые раны, а на каникулы осталась в университете (новый ректор сделал поблажку для студентов, по разным причинам не желающих возвращаться домой). Все каникулы я училась и тренировалась, а перед третьим курсом успешно сдала экзамены. С нашего направления отчислили ещё троих, и осталось только двенадцать человек. Третий год мало отличался от второго: та же изматывающая учёба и бесконечные тренировки, я и помыслить не могла о том, чтобы заняться личной жизнью, как настаивала Мила.

Нам добавили ещё два предмета: «столовый этикет» и «ведение отвлечённой беседы» (сокращённо – ВОВ). Приходилось тренироваться сервировать стол в собственной комнате: раскладывать приборы согласно правилам, составлять букеты, подбирать ткани для скатерти и салфеток, а ещё учиться вставать и садиться по знаку, изящно держать вилки и ножи, запоминать последовательность подачи блюд и их количество на таких-то и таких-то

приёмах и многое другое. На ВОБ мы осваивали искусство красноречиво говорить ни о чём и демонстрировать искреннее внимание к рассказу собеседника. В разговорах нельзя было касаться ни политических ситуаций и настроений, ни жизни короля или придворных, ни военной обстановки, ни... – в общем, ничего значимого. Далее, как объяснила преподаватель, мы научимся говорить обо всём этом тонкими намёками, искусно и талантливо, как истинные придворные. Пожалуй, ВОБ стал для меня одним из самых сложных предметов. Попробуй-ка поговори ни о чём часа два, не повторяясь, с разными собеседниками, от такого и голове взорваться недолго.

Любовь Милы и Лера цвела и пахла. Мне даже казалось, что парень стал задумываться о женитьбе. Иногда он так серьёзно смотрел на Милу, с таким чувством в глазах, что у меня сжималось сердце. Я боялась за их будущие отношения, мне казалось, что родители Милолины, будучи аристократами, не одобряют подобную партию для своей дочери. И хотя семья Лера была очень богата, но имя рода ценится в нашем обществе слишком высоко. Оставалось надеяться, что свою роль сыграет наличие у молодого человека магических способностей, это давало Миле шанс родить ребёнка-мага.

Незадолго до окончания третьего курса подруга подбила меня отправиться в город за нарядами для предстоящих летних каникул; наряды предназначались, соответственно, для неё. Я подумала, девушка решила поразить воображение и так безнадежно влюблённого в неё Лера, отправившись, как и в прошлый год, на каникулы к бабушке, но она удивила меня, заявив, что родители приглашают на лето семью потенциального жениха и дали наказ Миле выглядеть как можно шикарнее, даже прислали дополнительные средства, хотя особой состоятельностью её семья не отличалась.

– Мила, а как же Лер? Он знает о намерениях твоей семьи?

– Я ничего не говорила ему. Мы встретимся после каникул и всё обсудим.

– Что обсудите? Разве ты не любишь его?

– Люблю, но это мнение моей семьи – и я обязана считаться с ним. К тому же прежде чем сделать выбор в пользу единственного мужчины, необходимо убедиться в верности принятого решения. Я ведь собираюсь выйти замуж раз и навсегда.

– А разве, когда по-настоящему любишь, можешь сравнивать своего любимого с другими?

– Лея, что за романтические выдумки? Конечно, можешь! Сравнить необходимо. Нужно знать, за кого ты выходишь, быть уверенной в своём выборе. А как я буду уверена, если ни с кем, кроме него, не встречалась?

Да, мне не понять истины этого мира. Вот я, когда полюбила, отдавалась этому чувству всей душой, всем сердцем, пусть и очень короткий период. О чём тут говорить?! После одной-единственной ночи я оказалась не в состоянии выбросить из головы мужчину, оставившего меня. Я не могла ответить, простила ли его, но зато точно знала, что по-прежнему испытываю к диору сильные чувства. Мне хотелось увидеться с ним вновь, посмотреть в серые глаза, понять, что он не тот идеал, каким видела его маленькая девочка, едва вступившая во взрослую жизнь. Я хотела разочароваться столь сильно, чтобы вырвать эту непонятную любовь из своего сердца, но пока мечты оставались неосуществимыми.

С этими тяжёлыми мыслями я рассталась с Милой, которая уехала ещё до начала ежегодного бала, за Лером должны были прислать карету на следующий день после праздника. Он пригласил меня, сказав, что без Милолины ему тоскливо и одиноко, а если я составлю компанию, то будет с кем поговорить о любимой в этот вечер. На бал я надела

то самое платье, оно было единственным моим нарядом, хотя и навело грустные воспоминания. В этом году я даже рассталась с двумя серебрушками, купив чулки и перчатки. Мы довольно весело провели с Лером время на празднике, пусть он и болтал по большей части о Миле, но при этом был весьма занимательным, остроумным собеседником и знал много смешных историй об известных магах. Мы танцевали в основном вдвоём, но раза три меня приглашали молодые маги с младшего курса и один – со старшего. Хорошо проведя время, я тепло попрощалась с Лером у дверей своей комнаты, договорившись встретиться перед началом следующего курса.

Глава 5.

Конечная цель

Четвёртый год ознаменовался сразу несколькими событиями. Первое: я едва не завалила экзамены, лишь чудом справившись с заковыристым заданием по ВОБ. Несмотря на тренировки и бессчётное количество дней, посвящённых подготовке к теоретической и практической частям, мои усилия едва не пошли прахом. Спасло то, что преподаватель ВОБ, Селеста ван Мирг, сама являлась магом-полукровкой и оттого благоволила ко мне. Она предпочла закрыть глаза на слабенький ответ, явно не дотягивающий до необходимого для сдачи уровня, и, дав совет посещать собственный факультатив для углубленного изучения предмета, засчитала попытку. Следующим событием стало расставание с обоими друзьями. Родители Милы, отчаявшись навязать дочери выбранного ими жениха, пригрозили перевести девушку в меньшую по размерам магическую академию недалеко от дома. Поскольку уговоры оказались тщетными, они осуществили свою угрозу. Мне даже не довелось встретиться с подругой, чтобы попрощаться, а на Лера было жалко смотреть. Наконец, уже после начала занятий, он постучал в мою дверь и огорошил заявлением, что с разрешения ректора и своих родителей переводится в магическую академию, куда направили Милу, чтобы быть поближе к ней. Вот так они и покинули меня, оставив одну в университете, где, кроме нескольких знакомых, даже не с кем было поговорить. Я не была изгоем, но и ладить с людьми не получалось. Те, с кем мы учились на одном направлении, занимали более высокое положение, а оттого соблюдали дистанцию, остальные жили полной жизнью и мою заикленность на учёбе не понимали. Оставшись одна, наедине с собственными проблемами, о которых и рассказать-то было некому, я впала в уныние. Радости не принесли и новости из дома. Тётка прислала письмо, в котором рассказала, что старый Томас скончался от редкой болезни, уже давно мучившей его, вот только хранил он свой недуг в строжайшей тайне. Все эти происшествия надолго выбили меня из колеи. Я терзалась оттого, что не поехала на каникулы домой, ведь знала, как всегда радовался моему приезду Томас. Я корила себя за то, что не замечала никаких признаков его болезни, и страдала от отсутствия друзей, которые облегчили бы мою скорбь.

К счастью, времени для раздумий оставалось немного, занятия стали более интенсивными и сложными, особенно практические тренировки. Кажется, из нас собирались сделать магов-боевиков, которыми славится королевская армия. В комнату я приползала поздно вечером едва живая и сразу засыпала. Ко мне подселили новую девушку – Амелию ван Ольтер, но наши отношения не развились дальше молчаливого признания общего соседства. Ей не хватало той живости, которой отличалась Мила и которая способствовала раскрытию моего весьма замкнутого характера. Полностью уйдя в себя, я стала ещё более необщительной, учась в одиночку справляться со всеми трудностями. Практически не реагируя на подначки остальных адептов, я казалась на фоне их дружной компании белой вороной. Я не ходила и в любимцах у преподавателей, за исключением только госпожи Селесты. Стиснув зубы, упорно шла к своей цели – окончить направление во что бы то ни стало и быть принятой на королевскую службу. Я совершенствовала свои сильные стороны и избавлялась от слабых мест. Наверное, судьба не зря закаляла меня: ей ради неизвестной цели нужно было сделать из порывистой

эмоциональной девчонки хорошего крепкого бойца, который не пасует перед трудностями. Пожалуй, только хитрости и изворотливости мне недоставало, чтобы стать первоклассным придворным магом, но я полагала, что опыта применения силы на практике и умения постоять за себя будет достаточно.

До окончания университета оставалось всего ничего. Четвёртый курс пронёсся чередой монотонных дней. Изредка мои будни скрашивали письма Милы, в которых она рассказывала о напряжённой борьбе с родителями. Подруга тоже сильно изменилась. Столкнувшись с настойчивостью родных, с предательством, как она считала, с их стороны, Мила была твёрдо намерена бороться за своё счастье, за право связать собственную жизнь с Лером. Она уверилась в его чувствах, когда он последовал за девушкой в крохотную академию, бросив престижный университет. Милолина не хотела тайной свадьбы, ей нужно было согласие обеих сторон, и она намеревалась его получить. Я от всего сердца желала подруге успеха. Ещё я всячески пыталась тренировать собственный дар, развить зависимость между ним и своими чувствами, но пока ничего не получалось. Дар проявлял себя спонтанно: иногда – когда я злилась, иногда – когда раздражалась, временами – когда смеялась, но порой вовсе переставал «слушаться» и не реагировал на эмоции. Я отточила своё умение контролировать собственную силу и направлять её в нужное русло, но усилить дар, в прямом понимании этого слова, не могла.

Четвёртый курс закончился. Ехать к тётке на каникулы не имело смысла. Из дома пришла ещё пара писем – оба от нашей кухарки. Эби писала, что у них там всё хорошо, что у тёти с мужем вскоре ожидается прибавление семейства. Решив отделаться поздравлениями и небольшим подарком, когда радостное событие свершится, я и думать забыла о Пенелопе и её супруге. Лето собиралась провести как обычно, за одним лишь исключением: я намеревалась подработать на каникулах в той самой харчевне, пострадавшей когда-то от рук магических недоучек. Лишние деньги после выпуска мне бы оченьгодились. Был всё же положительный момент в нашей отработке: Окелло после неё перевёлся в другое место, посчитав подобное отношение к своей персоне неприемлемым.

Итак, перед вступлением в самостоятельную жизнь я решила заработать денег и прибавить их к собственным накоплениям, образовавшимся за четыре года, а потому отправилась в печально известное заведение. Хозяин харчевни меня, слава небесам, не узнал. Он сказал, что летом работников не хватает, так как многие в это время просят отпустить их на месяц – два, чтобы проведать семьи. Студентов, желающих подработать на каникулах, практически не бывает, поскольку в нашем, теперь уже престижном университете обучались сплошь отпрыски аристократов или дети из богатых семей. В общем, моё предложение было встречено с радостью, и я приступила к работе. С утра пораньше приходила в харчевню, а вечером возвращалась в университет и повторяла пройденный материал. Теперь на повторение и оттачивание навыков у меня уходило гораздо меньше времени и сил, чем раньше, а поскольку занятий не было, я вполне справлялась с такой нагрузкой. Адептов с моего направления, к счастью, в харчевне не встречала, они все разъехались на каникулы по домам.

Работа была утомительной и однообразной: приходилось накрывать столы, разносить еду, протирать мебель, подметать пол; хорошо хоть, мойка посуды меня миновала. Целый день на ногах – ужасно изматывающе, но зато я получала по две серебряшки раз в пару недель и добавляла их к уже отложенным. Сумма на счету в банке росла, доставляя маленькую радость. Когда пришла пора прощаться с работодателем, он выдал мне маленькую

премию в виде серебрушки и сказал, что если понадобится работа, то с удовольствием примет меня к себе. Я же надеялась на получение после пятого курса более ответственной и важной должности.

К началу пятого года, после проведения уже привычного тестирования, нас на придворной магии осталось только пять человек. Двое перевелись на другие направления, кто-то был отчислен, кто-то просто не захотел тянуть эту тяжёлую ношу дальше. Тестирование сдавали вместе, а не отдельно, как когда-то. Преподаватели – по одному на адепта – расположились в аудитории, и каждый из нас, выстроившись в линию перед фантомами, отвечал на свой вопрос, подтверждая ответ примерами. С заданиями я справилась успешно, даже ВОБ в этом году сдала намного лучше. Селеста подтянула меня на факультативах, и я была весьма горда собой. Мы не писали большие научные талмуды по выбранной теме, как другие адепты, потому что относились к особой, отдельной ото всех группе. Однажды ректор собрал нас в своём кабинете и объявил:

– Господа адепты, ваше обучение на пятом курсе не будет слишком отличаться от предыдущих годов, но я бы советовал каждому уделять свободное время тренировкам и повторению пройденного материала. Тестирование начнётся перед летними каникулами, и оно будет жёстким. Те, кто успешно пройдёт это испытание, отправятся в столицу, к куратору всех придворных магов Аджелу эль Торго. Все выпускники направления «Придворная магия» из разных университетов соберутся у него этим летом. После трёх месяцев тренировок он выделит лучших, тех, кто будет работать при дворе, остальные займут посты в столице. Я желаю вам удачи, господа адепты, трудитесь и не опозорьте имени своего ректора. Всего доброго.

С этими словами эль Колин нас отпустил. Для меня ничего необычного не объявили – я ведь и раньше всё повторяла и отрабатывала, только объем материала значительно возрос. Мои соадепты возмущались данным фактом, жалуясь, что на личную жизнь совсем не остаётся времени. Наш староста, однако, пошутил, что, когда попадём ко двору, с лихвой наверстаем упущенное. Вот так мы и разошлись по своим комнатам, чтобы со следующего дня приступить к усиленным тренировкам и зубрёжкам.

Весь год пролетел как одно мгновение. Мне казалось, что было отведено недостаточно времени на повторение пройденного материала, а день финального тестирования приблизился с невероятной быстротой. Где-то там, вдалеке от университета, у родных мне людей произошли значительные перемены. Мила и Лер поженились и были несказанно счастливы. Академию оба закончили на отлично ещё год назад, так как обучение там составляло всего четыре года. Я поздравила друзей от всего сердца и, потратив одну четвёртую своих накоплений, отправила им подарок. У тётки с мужем родился сын. Пенелопа на радостях лично написала мне письмо с приглашением приехать взглянуть на своего новорождённого кузена. Я отговорила учёбой и отправила подарок для малыша. В ответ тётка прислала увеличенное вполонину двухмесячное содержание, чем поразила меня невероятно. Не зря говорят, что материнство меняет женщину. В последнем письме Пенелопа даже упомянула о том, как сильно любила меня моя мама. Чудеса, да и только!

Всё менялось, жизнь вокруг била ключом, а я существовала в своём мире учёбы и тренировок. Моё желание всё сдать, справиться с экзаменами удвоилось, если такое вообще возможно. Я настолько сильно стремилась добиться успеха, что надорвалась

незадолго до финального тестирования. Организм не выдержал издевательств, и меня поместили в лазарет с диагнозом «нервное истощение»; всё же нервы, определённо, являлись моей слабой стороной. В лазарете навестила Селеста и, видя, насколько сильно я расстроена, попыталась успокоить:

– Послушай меня, Лея, я более опытная женщина и могу дать тебе хороший совет. Я знаю, насколько ты стремишься попасть ко двору. Да, не удивляйся, для меня это не секрет. Я когда-то тоже была одержима мыслями вырваться из привычного круга и доказать всем, кто от рождения имел и аристократическое звание, и сильные магические способности, что я ничуть не хуже, а даже лучше их. Судьба быстро научила меня, что не стоит слишком сильно чего-то хотеть. Можно стремиться, прикладывая к этому усилия, но не надо делать кумира из своей мечты. Если ты начнёшь относиться к собственному желанию более спокойно, то оно осуществится гораздо быстрее. Ты ведь умница! Подумай над этим, просто расслабься. У тебя есть ещё немного времени, чтобы восстановиться, и если сможешь перебороть себя и перестанешь нервничать, то обязательно справишься. И ещё одно: здоровье важнее всего, без него невозможно насладиться достигнутыми успехами. Согласно медицинскому заключению, какие-то события в прошлом подорвали твою нервную систему, а потому тебе легко сорваться и получить очередной приступ. Я не собираюсь лезть в душу, но прошу побережь себя. Попробуй оценивать события словно со стороны, не принимая их слишком близко к сердцу.

Когда Селеста ушла, я долго раздумывала над её словами и решила, что она права. Пора выкинуть мысли об учёбе из головы хотя бы на то время, что я проведу в лазарете, тогда смогу восстановиться быстрее. Вот так – впервые за эти годы – я позволила себе ничего не делать, не думать о предметах, которые ещё не повторила, а просто лежала, спала или прогуливалась по палате. Итогом моего хорошего поведения стала выписка из лазарета за день до финального тестирования. Я решила всё пустить на самотёк и даже не попыталась в последний вечер объять необъятное, как остальные мои соадепты. Я просто лежала на кровати, жевала печенье, купленное в городской лавке, и смотрела в потолок. Спать легла рано, а на следующий день встала вполне готовой к предстоящему испытанию.

В этот знаменательный для нашего направления день мы собрались перед дверями тренировочного зала. Адепты заметно нервничали, я же внешне была совершенно спокойна. Сердце колотилось в груди, но на лице не отражалось никакого волнения. Одна из адептов, Ана ван Эльг, даже позволила себе завистливое высказывание в мой адрес о том, что, дескать, некоторых на тренировки гоняли, а кому-то в лазаретике спать позволяли. Я привычно отмахнулась от этих глупостей, внутренне сосредотачиваясь.

Запустили нас всех вместе. Экзамен не зря проходил прямо в тренировочном зале: отвечая теорию, мы тут же доказывали её на практике. Преподаватель, ван Дорг, держал перед собой фолиант, содержащий краткий курс обучения, наугад открывал любой из предметов и задавал вопрос. Фантомов на сей раз зачаровали так, чтобы они могли не только отражать удар, но и неожиданно нападать в ответ. За отведённое на тестирование время нас не просто выжали как лимон – нас превратили в сухую лимонную корку. Когда бедным адептам позволили наконец вылезти в коридор и в изнеможении прислониться спинами к стенам, вышел и сам ректор:

– Господа адепты, вы молодцы, благодарим вас за старание. К сожалению, справились не все из вас. Господа Ана ван Эльг, Леорг линг Тери, прошу сдать мантии направления

«Придворная магия» и позже подойти ко мне для распределения на места практики с возможным последующим трудоустройством. Адепты Алех ван Молек и Маргарита линг Ольхен, вы превосходно выполнили задания, могу я попросить вас протянуть мне свои руки для сканирования на предмет выявления возможного использования эликсира памяти?

Алех ван Молек заметно занервничал, протягивая ректору свою руку, Маргарита, напротив, была очень спокойна.

– Благодарю, господа адепты. Вы, Алех, отчисляетесь с направления «Придворная магия» за использование эликсира памяти во время проведения финального тестирования. Вас, Маргарита, я поздравляю: вы успешно прошли экзамен.

Ректор перевёл взгляд на меня, и сердце заколотилось в груди как бешеное.

– Прошу вас, Лилея ди Эджелина Орсано, зайдите в кабинет.

Едва живая от волнения я прошествовала в экзаменационный зал и встала перед преподавателями, которые как-то задумчиво на меня поглядывали.

– Лилея, – обратился ко мне ректор, – нам известно, как старательно вы учились все эти годы. Ваши ответы были хороши, но при сдаче практической части вы показали себя не на высоте, хотя тестирование всё же прошли. Поверьте, нам было бы очень приятно узнать, что вы приняты на работу ко двору Его Всесветлейшества Августина VII, но на ситуацию можно взглянуть с двух сторон: с одной – во дворец попадают лучшие из лучших, с другой – мы принимаем во внимание ваши отличные результаты за все эти годы и ваше старание, хотя по уровню дара вы уступаете остальным адептам. Мы также учитываем слабое состояние вашего здоровья в последние дни, о чём доложила госпожа Селеста ван Мирг. После совета с коллегами я вынес решение дать вам шанс и отправить к господину куратору придворных магов Аджелу эль Торго. Всех благ, Лея, оправдайте возложенные на вас ожидания.

Ректор улыбнулся мне, и я увидела сквозь слезы добрые улыбки на лицах остальных преподавателей, а также ободряющий взгляд, коим одарила меня Селеста. Хотелось расцеловать их всех! Кое-как выдавив из себя слова благодарности, я выбежала в коридор и помчалась в свою комнату, где могла дать волю чувствам и не сдерживать больше слёз облегчения.

Глава 6.

Дом придворных магов

– Сегодня великий день, – сказала мне Маргарита.

Я согласно кивнула и вновь принялась смотреть в окно на окружавшую нас роскошь столицы. Здесь всё было иначе, чем в месте, где я родилась и выросла. Магией дышал каждый камень каждого здания. Удивляться было нечему: в огромном прекрасном городе на один квадратный метр приходилось столько магов, сколько не было во всём нашем городке. Дома были отделаны удивительным материалом, который переливался в лучах солнца разнообразными оттенками. Эти дома занимали обычные семьи, но были и огромные особняки, принадлежащие высокопоставленным особам, приближённым короля. Крыши различались не только цветом, но и формой черепицы, кусочки которой складывались в изумительные рисунки. Взглянув на мостовую, я решила, что в столицу свезли весь камень из известных во всём мире самоцветных гор, чтобы пустить его на отделку не только домов, но и гладких, безукоризненно чистых дорог. Вся эта красота утопала в зелени роскошных садов, повсюду раздавалось журчание золотых и серебряных фонтанов. У меня просто дух захватывало!

В дом придворных магов мы ехали в карете, принадлежащей семье Маргариты. Не знаю, как добирались претенденты на придворную должность с остальных университетов, но мы путешествовали с комфортом. Девушка надела лучший наряд и смотрелась весьма эффектно: её рыжие кудряшки были уложены в высокую причёску, а приталенное зелёное платье повторяло линию бёдер, подчёркивая роскошные формы молодой красавицы, и расширялось книзу, ниспадая свободными складками. Откровенное декольте было украшено зелёными и синими полудрагоценными камнями, а на руках – перчатки в тон золотистым туфелькам на изящных ножках.

За все годы обучения я так и не смогла понять, зачем такой красавице, как Маргарита, с её огромными зелёными глазами, чувственным ротиком и густыми рыжими волосами, нужна эта изнуряющая учёба на нашем направлении. Её сделали бы придворным магом лишь для того, чтобы иметь возможность любоваться на это чудо каждый день. Вот только Маргарита училась по-настоящему и очень усердно. В отличие от меня, девушка обладала сильным даром, и потому обучение давалось ей немного легче.

Мы провели в пути уже несколько часов. Порталы являлись роскошью, использовались не столь часто и точно не вели во дворец короля. В свою очередь, король и его диоры могли переноситься куда им вздумается, а вот для защиты монаршей семьи и самого правителя магические проходы во дворец блокировались.

Я ехала в своём самом нарядном платье, подаренном Милой. Как ни удивительно, оно было впору и выглядело неплохо (надевала я его всего раза четыре), только фасон несколько устарел. Современные платья подчёркивали грудь, талию и слегка обозначали бедра, а моё было со скромным декольте, шнуровкой на спине и скрывало бедра под пышными складками. Единственное украшение – волшебные волосы да пара кружевных перчаток. Выглядела я, со слов Маргариты, весьма мило.

Занятые созерцанием красивых домов столицы, мы сами не заметили, как карета подъехала к огромному особняку с богатой отделкой и остановилась у широкого крыльца.

Из экипажа нам помог выйти слуга. Важный дворецкий отворил дверь. Миновав резные створки с позолоченными узорами, мы оказались в просторном холле, который мог наверняка вместить в себя пару тренировочных залов. Всё в нём сверкало: натёртые до блеска полы и перила лестницы, вазы и мелкие безделушки (явно очень дорогие), блестели даже двери из какого-то гладкого неизвестного дерева и их золотые ручки.

От наблюдений за окружающим великолепием оторвал голос солидного мужчины, который обратился к нам с Маргаритой и пригласил следовать за ним. Пройдя по длинному коридору, залитому светом из высоких окон в резных переплётках, мы оказались перед дверью, за которой слышался гул голосов. «Дамы, прошу проследовать сюда», – произнёс, слегка наклонив голову, мужчина и открыл дверь. Мы вступили в огромную-преогромную залу. В ней было очень мало мебели, лишь картины да зеркала на стенах, а в конце находился высокий помост со стоящим на нём креслом, напоминающим королевский трон.

В кресле сидел представительный мужчина с хищным и очень подвижным лицом. Весь холёный, в дорогом костюме небесно-голубого цвета, с золотистой отделкой. У него были волнистые золотые волосы, а глаза казались голубыми – отсюда было нелегко рассмотреть их цвет. Руки тонкие, словно у девушки, а фигура стройная и гибкая. Чувствовалось, что человек привык отдавать приказы и получать в ответ беспрекословное повиновение. Вот он поднял руку – и шум голосов стих.

– Я вижу, все здесь собрались. – Глубокий голос неприятно резанул слух какими-то раздражёнными нотками, очевидно его обладателю сложно было угодить. – Моё имя, как многим известно, Аджело эль Торго. Я куратор всех придворных магов, и именно я выбираю, кого из вас назначить ко двору. Все присутствующие здесь прошли обучение в университетах, но не многие удостоятся чести служить лично Его Всесветлейшеству Августину VII. Кандидатов отбираю я сам, причём учитываю не только силу дара, но и происхождение. Не терплю эту новую моду набирать магов исключительно по их способностям и позволять всяким выскочкам занимать высокие должности. Это просто оскорбление...

Дальше я не слушала, уловив главное: мне здесь будут не рады. Аджело ещё долго распространялся на тему извращённости современных нравов, прохаживался насчёт родословных и оскорблял всех полукровок. Очевидно, какой-то полумаг немало насолил ему в прошлом, подобно мне, утёршей нос Окелло, а может, это была отвергнувшая его женщина. Не столь важно теперь, когда я всё отчётливее понимала, что попасть ко двору мне не грозит.

– Я обязан, – продолжал меж тем Аджело, – тренировать всех вас без исключения три полных месяца и только потом провести отборочный турнир. Никаких фантомов, господа, – биться будете друг с другом.

Его слова вызвали ропот в рядах бывших адептов: никто не желал быть покалеченным ещё до того, как поступит на королевскую службу. Аджело прервал всех одним взмахом руки.

– Все недовольные могут тотчас же отправляться по домам. Чем меньше вас станет, тем легче будет мой выбор. Сейчас вас здесь тридцать пять человек, ко двору отберу десятерых, остальные пойдут служить под началом столичных магов. Будете выполнять административную работу в городе, господа, а потому советую вам очень постараться, чтобы мне понравиться. На этом закончим нашу встречу, отправляйтесь по своим комнатам, слуги вас проводят.

– Мы будем жить в его доме? – спросила я Маргариту, как более осведомлённую о жизни в столице.

– Это не его дом. Этот дом был пожертвован одним из королевских придворных,

известным чародеем. Он хотел, чтобы здесь тренировались будущие придворные маги, которые смогут в дальнейшем служить на благо королевства. Теперь здесь раз в пять лет собирают самых достойных.

– Раз в пять лет? Я думала, в придворные маги выбирают раз в год.

– Нет. Это нам повезло попасть сюда сразу после университета, а многие ждут по несколько лет. Профессия придворного мага довольно опасна: кто-то сам уходит со службы, кто-то гибнет. Многие магини выходят замуж за придворных, рожают детей и прекращают работать. Раз в пять лет общее число придворных магов восстанавливается за счёт нового набора.

Мы разговаривали, следуя за слугой, приведшим нас к небольшой комнате на третьем этаже. В ней стояло две кровати, комод и шкаф, низкая дверь вела в крохотную умывальню. Мы едва распаковали свои вещи, как нас позвали к столу. За обедом мне удалось более пристально рассмотреть всех претендентов на место придворного мага. В большинстве своём это были сильные мужчины, маги-аристократы в седьмом поколении, я насчитала таких человек двадцать шесть. Остальные – женщины, все очень разные: высокие и низкие, худенькие и полненькие – в основном тоже сильные магини. Я явно выделялась из общего числа. Пытаясь найти хоть одно дружелюбное лицо, натолкнулась на взгляд молодого мага. Он с любопытством разглядывал меня, сам же отличался от своих соседей по столу более хрупкой комплекцией. У него были светлые волосы, серо-зелёные глаза, а на носу проступали едва заметные веснушки. Из-за круглых очков глаза его казались больше, чем на самом деле. Мне стало любопытно пообщаться с этим парнем. Когда обед закончился и нас отпустили до вечерних тренировок, я направилась к двери, ведущей в сад, в надежде прогуляться, подышать немного свежим воздухом и просто побыть в тишине. На полпути меня внезапно остановил тот самый парень.

– Привет. – Широко улыбнувшись, он протянул мне руку. – Меня Эрик зовут, а ты Лилея ди Эджелина Орсано?

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю всех кандидатов, а тобой особенно заинтересовался. Ты на всём потоке единственная девушка с приставкой «ди», да ещё и полумаг.

– Думаешь развлечёшься за мой счёт?

– Что ты! – обиженно сказал Эрик. – Я просто очень хотел с тобой познакомиться. Ты единственная полукровка без длинной родословной, которая смогла выбиться в кандидаты.

– Есть ещё несколько полумагов.

– Да, есть, – отмахнулся Эрик, – только они неинтересные. У всех семьи, в основном богатые, за всеми стоят какие-то покровители, а по тебе сразу видно, что сама всего добилась.

– Послушай, тебе что-то нужно от меня? – начала раздражаться я.

– Да.

– И что? – спросила, поражённая таким прямым ответом.

– Хочу стать твоим другом.

– Вот так просто стать другом? В смысле «захотел и стал»?

– А почему нет? Дружить здесь не запрещается, а ты мне понравилась. Сразу видно, что характер есть.

– Послушай, Эрик, я не против дружбы, но меня смущает твой напор.

– Да не бойся. Я многих шокирую, но поверь, что тебя не обижу, а если надо будет – даже помочь смогу. Ты, главное, дай мне шанс, – сказал мой неожиданный друг и широко улыбнулся.

– Хорошо. Давай посмотрим, что из этого выйдет.

Я согласилась потому, что мне, действительно, нужен был друг. Хотя и привыкла справляться со всем одна, но от одиночества здорово устаёшь, не хватает простого человеческого общения, дружеского тепла, ощущения незримой поддержки. Маргарита пусть и относилась ко мне неплохо, но всячески подчёркивала разницу в нашем происхождении. Она делала это неосознанно, просто привыкла к определённому поведению с детства. Дав Эрику обещание дружить, я ещё не знала, что обрела практически вторую Милу – в мужском облике, и дело было не в природной живости Эрика, а в его страсти ставить эксперименты над живыми магами. Вся его жизнь была в науке, в желании открыть что-то новое или изобрести собственное заклинание. Как он позже пояснил, я ужасно заинтересовала его своим необычным даром. Он, как когда-то ректор эль Колин, свято верил в мою способность усилить собственный дар и собирался помочь мне это сделать.

Дни полетели за днями: ранний подъем, физические упражнения, пробежки, тренировки, обед, физические упражнения, тренировки, ужин, тренировки и ранний отбой. На остальное времени не хватало. Маргарита периодически пропадала допоздна, я же старалась лечь как можно раньше, чтобы выспаться. Тренировки были пока щадящими, поскольку отрабатывали мы заклинания, начиная с самых слабых и заканчивая самыми сильными. Это означало, что к концу третьего месяца возрастала вероятность приобрести парочку травм, несовместимых с жизнью. Я всегда вставала в пару с Маргаритой или Эриком (к счастью, партнёра выбирать могли мы сами).

[Купить полную версию книги](#)